

Вячеслав Малежик

Снег идет
100 лет...

СПЕЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ
www.argumenty.ru • выходит по четвергам

Вячеслав Ефимович Малевич

Снег идет 100 лет...

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17043359
Снег идет сто лет: ЗАО «СБП-Медиапроекты»; Москва; 2013
ISBN 978-5-905667-24-4*

Аннотация

Зайдя на страницу Вячеслава Малевича в Интернете, мы удивились плодовитости этого автора и исполнителя – около тридцати альбомов выпустил он за свою долгую творческую жизнь.

Теперь музыкант стал еще и литератором и за короткое время сумел написать две книги, которые, мы уверены, увлекли читателя. И вот уже готова третья. «Автобиография ли это?», – спросили мы Вячеслава. «Скорее это биография парней и девчонок моего поколения, – ответил он. – И те читатели, чья молодость пришлась на вторую половину второй половины 20-го века, я думаю, согласятся со мной, узнав себя в героях моих рассказов...»

Содержание

Предисловие	4
Диалог, который вполне мог произойти в нашей квартире после очередной моей попытки выйти во Всемирную сеть...	5
Горный король	8
I	9
II	13
III	15
IV	17
V	20
VI	22
VII	24
VIII	26
IX	28
X	30
XI	32
Трудно быть первым...	34
I	37
II	39
III	43
IV	44
Половинки	47
I	49
II	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Вячеслав Ефимович Малежик

Снег идет сто лет...

Предисловие

С чувством глубокой благодарности партии и правительству и лично Генеральному секретарю ЦК КПСС я приступал к написанию своей третьей книги. Свершения и успехи, достигнутые нашей страной, в том числе и мной, после выхода «Портретов и прочих художеств», правдиво отражены в моей новой работе «Снег идет сто лет...».

Величие и богатырская поступь народа-победителя не могли не найти отклика в моей душе.

Какие же невероятные сложности пришлось преодолевать простым труженикам нашей горячо любимой Родины, чтобы, несмотря ни на что, продолжать победоносное движение к светлым далям, так мудро обозначенным руководством страны! Дружба и любовь, безграничная преданность родной партии – вот те родники, которые подпитывали персонажей моей книги.

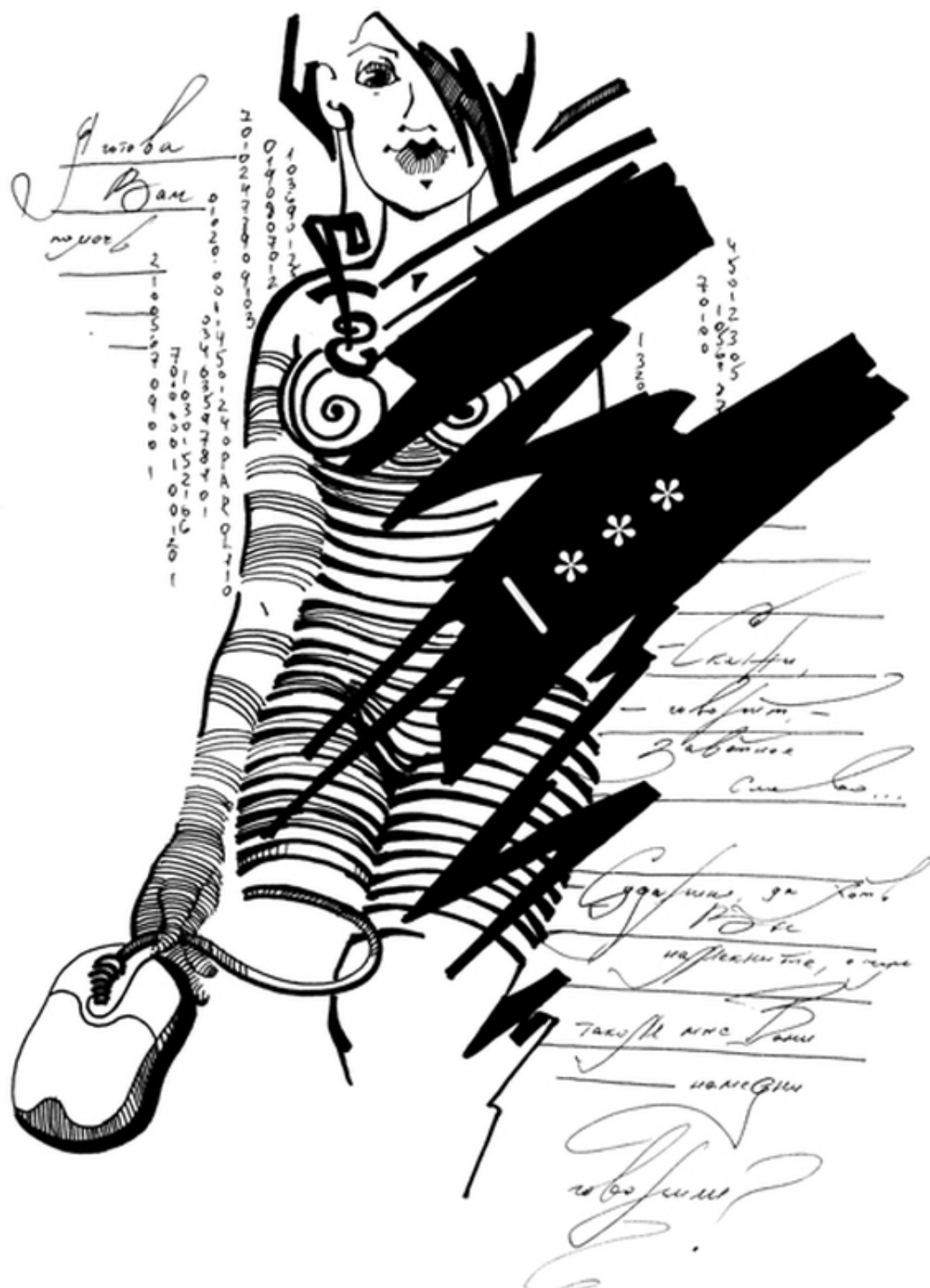
А если сказать честно, то надо отметить, что истинным героем моего повествования является простой народ, который так искренне радуется успехам трудового коллектива, подставляя надежное плечо в минуту испытаний.

Читая мои рассказы, вы прикоснетесь к истокам, чистым истокам нашей жизни, и еще раз убедитесь, как хороша и своевременна бывает шутка, вспомните, что слезы бывают не только горькими...

Я сейчас пишу эти строки, и две слезинки скатились на лист бумаги. И мне не стыдно за них... Да, это мужские слезы, слезы очищения. Поплачь, поплачь со мной и ты, мой читатель, а затем с легким сердцем возьмись за отбойный молоток или мастерок строителя, кувалду железнодорожного обходчика или штурвал космического корабля.

И пусть наша жизнь будет светлее от этих моих рассказов и пусть кто-то скажет мне спасибо за то, что я со своей новой книгой пришел вовремя.

**Диалог, который вполне мог произойти
в нашей квартире после очередной моей
попытки выйти во Всемирную сеть...**

Сегодня вечером компьютер снова отказал мне в близости. Причем отказ был бесповоротен, и сколько я ни пытался заходить и так и сяк, пластмассовая с некоторыми метал-

лическими вкраплениями машина была неумолима. Да-да, машина, это мы сейчас о ней все больше в мужском роде, а вообще-то она электронно-вычислительная машина, во всяком случае, меня так учили... И в силу принадлежности к женскому роду капризна, моя киска, до невозможности.

– Скажи, – говорит, – заветное слово...

А я бы и рад сказать, да только о чем я с ней болтал во время первого свидания и на каком языке, не помню. А она:

– Я готова вам помочь, мил-человек, да честь свою и своих производителей, то есть родителей, выше всего ценю...

– Сударыня, да вы хоть намекните, о чем таком мы с вами намеренно говорили?

– О разном, о всяком, а называли вы меня как-то нежно и одновременно емко. А еще, чтобы быть совсем неповторимым, вы говорили какие-то непонятки, шифровались, если говорить научным языком. И должна вам сказать, слова ваши запали мне глубоко в душу. И теперь я, как заколдованная принцесса, не могу принадлежать никому другому, да и тебе, голубь мой сизокрылый, не могу открыться, – сказала машина и надула губки.

– Да хоть на каком языке-то я с тобой обо всем об этом говорил? – начал я новый подход.

– Ничего такого лишнего вы не говорили и в целом были тактичны, но настойчивы в достижении своей цели. Я вам больше скажу, я почти сдалась. Да, да, да... Мне казалось, что наконец-то я встретила мужчину своей мечты. Мне очень нравятся свежие мозги...

– Свежие мозги только что убитого животного?

– Не пошлите, пожалуйста. Не нравятся свежие, скажу – нравятся острый ум и уверенные в себе руки.

– Ну, это не про меня...

– Я теперь понимаю, что не про вас. А слова? Вы же помните, что исторически я женского рода... Так вот – я тоже люблю ушами... И я еще раз признаюсь, что почти увлеклась вами, – сказала ЭВМ и отвернулась к стене.

– Да не надо мной увлекаться! Я взрослый серьезный мужчина, много чего в жизни повидавший, и мне нужны стабильные ровные отношения. И вас, между прочим, я не собираюсь обманывать. Не собираюсь, воспользовавшись Вашей слабостью и получив все, что наметил, отмахнуться от вас, как от назойливой мухи. Кстати, с Э-Вэ-Эмами у меня давно установился прекрасный контакт. Я много и успешно предметно осваивал вашу маменьку. Она, вообще-то, не была столь многогранно организована и всесторонне развита, как вы, но плодом наших симпатий стала программа под названием «Кибернетический синтез музыки».

– Да, милый, я все это помню, но слово (!), вспомни слово, и я твоя. Пойми, это не просто женское кокетство...

– Я еще раз спрашиваю, на каком языке?

– А ты что, много их знаешь?

– Ну...

– Баранки гну, а еще мечтал о близости...

– И что прикажешь мне делать теперь?

– Хакера какого-нибудь пригласи, пусть, пусть поковыряется в моей душе.

– Ты говори, говори, да не заговаривайся.

– А чего ты боишься?

– Да не боюсь я ничего...

– Боишься, боишься... Знаешь, если во мне покопаться, сколько всего разного о тебе, моем любимом, узнать можно?

– А ты так прям и готова все выложить? – не без ехидства спросил я.

– А что, если у кого-то есть и руки умелые, и голова недырявая, а то вы все мужики...

– При чем здесь все мужики?

– А ты, Интернет твою мать, живи по-людски, и не надо будет бояться, что я кому-то душу открою, – почти по-человечески раздражаясь, прохрипел компьютер.

– Да твоя компьютерная душонка соврет – не дорого возьмет!

– Вот, вот... Я и говорю, вместо того чтобы Интернет ругать, займись своей душой. Почисти файлы, милый.

– Ваше компьютерное величество, я что-то не пойму, – обратился я к компу, – мы с вами на вы или на ты?

– Вы-то со мной на вы однозначно, но если вам для проникновения в мою душу легче обращаться на ты, ради бога, я готова. Поэтому вперед, милый!

– Что-то ты глючишь?

– Я-то глючу, но у меня есть возможность перезагрузиться, а ты...

– Хватит, кончай грузить.

– Видали? Он забыл пароль, а в итоге мы, компы, и виноваты. Ты же все время пел гимны во всяких там интервью чистой незашлакованной душе, не разучившейся любить и мечтать. Что, надоело мечтать, захотелось приземлиться и покопаться в нашем земном дурно пахнущем?..

– Да почему ты сразу про помойку?

– А-а-а, злишься, Юпитер? Наступила на любимую мозоль?

– Конечно, а если бы вспомнил пароль, то влез бы в твою душу, в Интернет, твою мать, нашел бы там средство от мозолей, и мы бы помирились.

– Вот видишь, когда нет меня, ты и мыслишь оригинально. Может, послать меня? – тихо спросила ненавистная машина.

– Но я же сказал, что смогу.

– А мы никому не скажем.

– Нет, все-таки хакер...

– Эх, милый... Модем-то ты какой купил? Вот-вот... Не согласуется он с моими программами, вот я и закипаю мозгами, а слово-то ты правильное мне шептал, и я рада бы «побежать за поворот», но модем, он не пускает, не дает...

– Ну, слава богу, – облегченно вздохнул я.

– Эх, дуралей, я же люблю тебя за то, что не похож ни на кого, некомпьютеризированный ты мой. Мне еще мамка рассказывала про «кибернетический синтез музыки» и про то, что тебе хватило сил сказать, уже после защиты этой работы, что это чушь и что никакой комп не «споеет от души». А ты хотел меня обвинить в «динамо». Дуралей, дуралей, иди ложись спать и радуйся, что завтра не надо будет опохмеляться Интернетом. А я... Так я тебя знаешь как люблю, знаешь, сколько я знаю про тебя, и это в основном хорошее. Так что ты всегда в моей душе. Спи!

Горный король

I

– Владимир Сергеевич, взгляните на того парня около противоположного борта, – обратился тренер хоккейной команды мальчиков 1945 года рождения, что была на стадионе «Буревестник», к одному из руководителей взрослой команды «Динамо» Виноградову В. С.

– Да, в нем что-то есть...

– Есть-есть... Главное, что в нем есть лидерское начало, он – настоящий заводила, такие после войны становились главарями в бандах.

– Так уж, Александр Петрович, и главарями?

– Точно вам говорю. Он никогда не сдается. У него есть проблемы с техникой, клюшку может беречь, но дух, я вам скажу...

– Позови его к нам... Нет, лучше после тренировки, пусть останется, хочу с ним переговорить, – сказал Виноградов, закуривая.

Ребята закончили двухстороннюю игру и по свистку тренера подъехали к борту. Александр Петрович выехал на лед и приступил к разбору игры. Не сильно усердствуя в похвалах, он тем не менее отметил успехи парней, обратив внимание при этом на недостатки и на пути их устранения. Все это делалось достаточно тактично, чаще в сослагательном наклонении, стараясь не ранить тонкую ребячью душу, хотя в пятнадцать лет это уже почти взрослые мужчины.

– Ребята, в целом я вами доволен, послезавтра играем с «Крыльями», мы их должны победить! Все свободны, Соколова попрошу остаться, – подытожил тренер.

Мальчишки, шумно переговариваясь, пошли в раздевалку.

– Александр Петрович, что-то не так? – спросил Серега Соколов.

– Нет, Сережа, все так... Я тобой доволен; хочу тебя познакомить с одним из тренеров взрослого «Динамо».

– А зачем?

– Пошли-пошли... Много будешь знать, скоро состаришься.

Они подъехали к противоположному борту, где стоял Виноградов.

– Ну здорово, хоккеист!

– Здравствуйте.

– Как поживаешь, где живешь, как учишься?

– Да здесь рядом живу, на Палихе. Учусь? Да нормально учусь, без троек, но и не отличник.

– Я, знаешь, тоже отличников не люблю...

– А я не говорил, что я их не люблю. У нас парень есть в классе, Стрелков его фамилия, так мне он нравится. Он столько всего знает, с ним так интересно. А я? Я просто хоккей очень люблю... А когда я чем-то увлечен, то, знаете, меня не хватает на что-то еще.

– Вот ты какой парень!

– Какой?

– Да ершистый, со своим мнением. Это, с одной стороны, хорошо, но ты все-таки следи за своим языком.

– Так у нас же оттепель!

– Это ты откуда взял?

– В газетах прочитал.

– А-а-а... Ты вот что... Можешь завтра на «Динамо» на тренировку заскочить? Я хочу тебя главному показать. Кстати, звать-то тебя как?

– Серегой... А я хотел бы вместе с ребятами из своей тройки показаться.

– Я бы, ты бы... Здесь я говорю, что надо, а хотеть не вредно... Так придешь? Серега?

– Я подумаю...

– Чего думать, Сережа, – встрял в разговор Александр Петрович, – такие предложения делаются один раз. Ты представь, это же «Динамо» – Крылов, Жибуртович, Петухов...

– Хорошо... Когда и куда завтра?

– Завтра после школы в 14:30 у таблицы футбольного первенства. Знаешь, где это? – спросил Виноградов.

– Знаю. Я приеду. Что с собой взять: коньки, клюшку, форму?

– Приезжай сам, на месте разберемся.

– Договорились, мне можно идти?

– Иди...

Серега пошел в раздевалку уверенной, даже с каким-то вызовом походкой.

– Какой парень! Александр Петрович, где ты его нашел? – отрывая взгляд от Соколова, спросил Виноградов.

– Да нигде я его не искал. Пришел сам и записался в секцию.

– Ты знаешь, в нем есть характер. Такие в спорте, а особенно в игровых видах...

– Да почему только в игровых, да и не только в спорте... В жизни.

– Но наша-то жизнь это спорт, поэтому нам его нельзя упустить. Кстати, ты обратил внимание на его физиономию? Что-то в ней от Пушкина есть – этакое зверино-первобытное.

– Владимир Сергеевич, да просто мужик в нем есть, вот и все, – усмехнулся Александр Петрович.

– А взгляд?! Он же по возрасту в общем-то пацан, но удар держит. Спасибо за парня. Главное – довести до ума.

– Вы уж там постарайтесь, думаю, к Олимпиаде 64-го из него может получиться отличный центр. А как тебе его фраза «я хотел бы с ребятами из своей тройки показаться»?

– Да, орел...

Довольные друг другом Александр Петрович и Владимир Сергеевич вышли со стадиона и на трамвае поехали в сторону метро «Ботанический сад».

Серега тем временем шел домой на свою Палиху, не очень заморачиваясь на обещания этого представительного дядьки в пальто с воротником из каракуля, которое было надето на динамовский тренировочный костюм, проглядывавший под модным красным шарфом. Он пересек площадь Коммуны, на которой главенствовал театр Советской Армии. Кто-то ему рассказал, что среди архитекторов был организован конкурс на лучший проект театра. Победил проект Алабяна, которому за день или за два до окончания срока пришла в голову мысль сделать это здание в виде символа советской эпохи – пятиконечной звезды. И Алабян выиграл. И теперь это здание с бессмысленными и бесполезными углами стоит, занимая громадную территорию.

«Какой дуризм, эту звезду можно увидеть только с высоты самолета, а полеты над Москвой, говорят, запретят», – думал Сергей Соколов.

А еще он размышлял об игре не только за «Динамо», но и за сборную страны. Иногда занозой приходила мысль, что же будет с Костей и Вованом, но он ее отгонял, уверяя себя, что все как-то удачно разрулится. Он пошел по Селезневке и, не доходя до популярных Селезневских бань, повернул направо.

«Сюда Тарасов армейских хоккеистов приводит, снять усталость и просто попариться... Трегубов, Сологубов... Наверное, с ними не успею сыграть, они же ветераны, а вот Локтев, Александров... почему бы и нет...» – рассуждал Серега сам с собой.

По пустынной улице ехал ГАЗ-51, к которому на коньках прицепился пацан лет одиннадцати-двенадцати. Скорость была около сорока километров в час, и парень, пытаясь перехватить поудобнее руки, оторвался от кузова грузовика и полетел по диагонали на встречную полосу, по которой двигалась «Победа» – автомобиль, так популярный в нашей стране в

50-е годы. Дальше все происходило на инстинктах. Сергей, не успев даже понять, что произошло, бросился навстречу летящему по льду мостовой пацану, пытаясь затормозить его движение под колеса. «Победа» затормозила и юзом продолжала двигаться в сторону двух парней. Они встретились, и легковушка перепахала ногу Сергею Соколову. Бледный водитель «Победы», еще пара свидетелей загрузили Сергея в легковой автомобиль, и «Победа» рванула в сторону Склифа. А горе-конькобежец сбежал.

Борьба за ногу Сергея продолжалась более полугода. Ногу не ампутировали, но она стала сохнуть. Не знаю, может быть, в настоящее время, используя методы доктора Илиза-

рова, можно было бы спасти Соколову Сергею Михайловичу ногу, но в 1960-м... Вы же помните, Юрий Гагарин еще в космос не летал...

Так не состоялся у нас в стране хоккеист Сергей Соколов, который был бы сверстником Харламова и Мальцева, Михайлова и Якушева. А зная его характер, может, мы потеряли и хорошего тренера.

Но как нам судить о промысле Божиим? Такие натуры, как Сережка, не пропадают. Цельность его характера, упертость не дали ему утонуть и затеряться.

II

Всеобщая шизофрения – увлечение рок-н-роллом, а потом «Битлами» захлестнула Москву. И Серега пропал. Он никогда не занимался музыкой с педагогами и скорее, будучи спортивно одаренным парнем, с насмешкой относился к соседям по двору и школе, которые гоняли гаммы, вместо того чтобы гонять мяч и шайбу, занудливо выводили ненавистные этюды и арпеджио на своих инструментах.

Брат Толик, от рождения слепой, как крот, естественно, не мог соперничать со старшим – спортивным и успешным, главным заводилой во дворе, Серегой. Но Толик учился музыке и подавал определенные надежды. Слушая, как Толик играет всяких Бетховенов и Моцартов, Сережа неожиданно для себя открыл, что музыка – это целый мир. Бесповоротно поразил Сережу Толик, когда разучивал музыку к спектаклю «Пер Гюнт» Грига. «Танец Артемиды» и «В пещере горного короля» норвежского композитора особенно удивили и заставили задуматься старшего брата.

Но еще больше, чем классика, Серегу увлекла музыка, которую он услышал от друзей. Это было еще во времена занятий хоккеем. Рок-н-ролл не передавали по радио. И по телевизору, даже во время больших праздничных концертов его никто не исполнял. Но было в нем что-то такое, что заставляло быстрее биться сердце, и хотелось снова окунуться в этот круговорот энергии и ритма.

Как-то раз кто-то из ребят принес пластинку, вернее, это был рентгеновский снимок, неровно обрезанный, чтобы быть похожим на привычный диск. После тренировки они зашли в зал, где занимались гимнастикой, и, столпившись около радиолы, прослушали запись. Это был Билл Хейли и его «Рок круглые сутки». Сказать, что понравилось всем, было бы неверно. Но Серега понял, что пропал... Пользуясь своим авторитетом в команде, он выпросил это сокровище у хозяина на пару дней. И два дня он слушал этот номер. Короче, круглые сутки в доме Соколовых звучал «Рок круглые сутки». А уже позже, после аварии, были другие песни и другие записи, и однажды отец, находясь под непрерывным прессингом старшего из братьев Соколовых, сдался и купил магнитофон. И началось! Все свободное от занятий в школе время посвящалось записям, перезаписям, встречам с такими же меломанами и конечно же слушанию «материала». Это было хобби, поглотившее все время и захватившее Соколова без остатка.

– Я хочу быть музыкантом, – сказал однажды Сергей своему младшему.

– Как это? – удивился Толик, протирая очки.

– А вот так это... Хочу и буду.

– Знаешь, сейчас шестьдесят четвертый, тебе почти девятнадцать, а все, кто хочет стать музыкантом, начинают играть в три-четыре года.

– Битлы тоже начали не в три года и не учились специально игре на гитарах у педагогов.

– Сережа, но ты инвалид... У тебя нога, да еще палец на левой руке не гнется.

– Да, не гнется. Тогда я буду барабанщиком, на гитаре сыграет кто-то другой.

– Сережа, каким барабанщиком?!

– Хорошим!!! – отрезал старший брат.

– Но у тебя же нога!

– Нога, нога... Левая нога! А в биг-бите главное – чувство ритма. Основной акцент делается на игру бочкой, а это правая нога; а еще вторая доля в малом барабане – а это правая рука. Моей короткой левой ноги хватит, чтобы закрыть хай-хет, а впрочем, я его вообще закрою и придумаю свою собственную технику игры на барабанах.

– Ну ты дашь!!! – удивленно открыл рот Толик.

– Пока еще не даю! Но дам и поэтому имею честь тебя пригласить в МОЮ группу певцом.

– А чего мы будем петь?

– Вот это уже вопрос по существу, а то – как, почему...

– Стой, и на чем ты, да и мы, будем играть? – заинтересовался Толик.

– Барабаны? Ну здесь рядом МИИТ – институт такой. У них есть ДК, думаю, там барабаны найдутся. Завтра я все узнаю.

– А аппарат?

– Дай мне сначала сыграть вступление к «Twist again», а там что-нибудь придумаем, – сказал Серега, загадочно улыбаясь.

III

В первый раз я Сергея увидел в ДК МИИТа, будучи студентом второго курса института. Я и мои однокашники – Саша Каретников и Сережа Кочетов заходили во дворец культуры и ошивались в нем, время от времени где-то и что-то играя на гитарах. Почему мы – студенты института – не брали гитары и ударную установку для собственных репетиций в ДК, объяснить сейчас вразумительно не могу. Мы играли на каких-то непонятных гитарах с самодельными съемниками и мечтали о настоящей ударной установке.

У нас в то время были в наличии свой «пионерский» барабан и тарелка, выкованная одним из друзей Кочетова. А Сережа Соколов, не будучи студентом нашего вуза, планомерно занимался на барабанах и делал уже определенные успехи.

Он был от природы таким Самodelкиным, что, кстати, ему помогало в его основной на то время работе – радио- и телемастера. Так вот, он включал в одной из комнат магнитофон с «ненашей» музыкой и усердно три часа в день колотил по дековской установке. И знаете, у него уже получалось. То, что он зарабатывал самостоятельно деньги, как я думаю, даже бóльшие, чем указывалось в платежной ведомости, делало его независимым человеком. Возможно, такая серьезность помогла ему решить не один организационный вопрос, хотя умение, как нынче бы сказали, «проспонсировать» любой процесс, несомненно, позволяло успешно налаживать контакты. В общем, он был не такой, как мы, и дружбы у нас тогда не получилось. А он преуспел, и высота «Twist again» была взята.

И снова (я восстанавливаю события по рассказам Сережи Соколова) разговор с братом:

– Ну что, Толя, я готов возглавить группу, в которую тебя приглашаю как солиста, а если захочешь – и органиста.

– Ты без образования хочешь возглавить группу? – недоверчиво спросил брат.

– Да, причем в ней будут играть ребята, более музыкально образованные, чем я.

– А как ты ими будешь рулить?

– Толя, я буду определять стратегические задачи, а с репетировать и сыграть песни – дело второе, – декларировал Сергей.

– Я всегда думал, что главное – это музыка...

– Я этого не отрицаю, но без меня моя будущая группа не найдет аппарата, на котором можно будет сыграть, не найдет места, где можно репетировать, не найдет и самих концертов, на которых, может быть, мы даже будем зарабатывать деньги. А партия ударных – так при хорошем басисте и пианисте я постараюсь не вылететь из ритма. Вот так.

– А ты продумал, что мы будем играть? – спросил Толик.

– Да. И один мой друг даже снял тексты трех песен, с которых мы начнем репетировать. Держи...

С этими словами он протянул брату магнитофонную пленку. Толик поставил ее на «Язу-10» и прослушал песни, записанные Сережей для разучивания.

– Но я не слышал этих песен никогда.

– И хорошо, что не слышал, значит, и большинство зрителей их не слышали. Все же играют одно и то же.

– В смысле?

– Ну, битлов, роллингов... Посмотри, Градский, как придет на сейшн, что поет? «House of the rising sun» да еще «Boys». А спроси, кто не спел из московских групп «Things we said to day»? И я тебе отвечу: спели все.

– И что ты предлагаешь петь?

– Ты слышал группы «Dave Klark five», «Them», «The who»? – спросил Серега.

– «The Who» слышал, а те две нет.

– Так вот, на тебе пленки... Учи!

– А где ты собираешься взять гитариста, органиста, басиста?

– Да я их уже переманил из одной инструментальной группы. Им надоело играть по нотам со своим худруком всяких «Shadows», а что еще хуже – пьесы из репертуара «Электрон». Слышал такой гитарный ансамбль под управлением Приказчикова? Жуткий нафталин, я тебе скажу.

– А в морду тебе не дадут, Серега?

– Толик, ну, во-первых, я и отмахнуться могу, а во-вторых, забей – это мои проблемы. Я старший брат – слушайся меня.

И они начали репетировать. Сергей с присущими ему энтузиазмом и дотошностью достал и вылизал аппаратуру, на которой суждено было в скором будущем выступать. Звучало, надо сказать, неплохо. Сережа уболтал одного из своих коллег микшировать звук. А поскольку никто толком не знал, как надо, успехи радовали, и вскоре Соколов-старший принес благую весть о выступлении (пока еще бесплатном, но транспорт для доставки аппаратуры был обещан). И все озадачились проблемой, как себя обозвать. Всякие «Мореходы», «Водолазы», «Кузнечики» были отвергнуты, а вот название «Группа товарищей» долго обсуждалось. Но ассоциации с некрологом не позволили этому варианту победить в демократическом процессе выборов. И тогда С. Соколов вспомнил «Пер Гюнта» и изрек:

– А что, если «Горным Королем» назваться? А если мы еще залудим инструментальную версию Грига, то это будет сказка.

– Так есть же, по-моему, у Элвиса «King of the road».

– Так это король дорог... Главное, что у нас есть номер для открытия концерта, причем проверенный, никто не придерется.

И он обратился к Игорю Облатьеву – гитаристу группы и Леве Фанку – органисту с просьбой сделать инструментальную версию Грига.

– Только партия барабанов...

– Ну, мы же понимаем, – хором ответили Лева и Игорь.

– Так... Я тут нарисовал геометрию нашего расположения на сцене. – Показал схему на листе ватмана Сергей.

– Ты что, будешь на авансцене находиться, а где же я? Я же солист, – удивился Толик.

– Ну и оставайся им... Мы тебя поместим на специальный куб, чуть в глубине за мной. А потом – это же моя группа, я ее лидер, а воздействие на зрителей идет прежде всего от глаз, а не от звуков, которые вы извлекаете из инструментов и глоток. Помните это. Артист – это прежде всего гипнотизер, а с этим у меня полный порядок, – расставил все по местам Соколов-старший.

И был первый концерт, и гордый Сергей восседал на авансцене за барабанами, на бочке которых красовалась надпись «Горный Король». И зрителям в целом понравились и репертуар, и звук, и Толя Соколов в очках с сумасшедшими линзами. Толя, как все слабовидящие люди, выглядел на своей тумбе беззащитным, и это, несомненно, способствовало успеху концерта. Один из музыкантов предложил в конце повторить григовскую «В пещере горного короля», и концерт получился даже режиссерски выстроенным. Зрители расходились довольные. Многие впервые слышали подобный звук, подобную подачу музыки. Кто-то шутил, что «Горный Король» – это приз велогонщику за лучшее прохождение горных трасс в соревнованиях. А подобные шутки обычно сопутствуют успеху. Серега Соколов в первый раз победил. И ему уже не снился хоккей и то, как он, уйдя от силового приема, забивает гол. Он видел сон – концерт, и он проходил при аншлаге.

IV

Закончив свои «университеты» в ДК МИИТ, Соколов нашел себе базу для хранения аппаратуры и репетиций. Обычная плата за такие услуги была – один концерт в преддверии или в сам праздник для благодарных рабочих предприятия, которому принадлежал клуб или Дворец культуры. В остальное время музыканты играли свой рок-н-ролл на английском языке и в общем-то никому не были нужны. Все наезды милицейских и идеологических органов случались, когда кто-то слишком зарывался и не подчищал концы. Это уже позже, когда стали петь на русском языке, во многих песнях начали находить идеологическую «клубничку». А так... Ну чего-то там орут, громко, непонятно что. Пускай орут. Поорут-поорут, да перестанут.

Правда, в какой-то момент свободомыслие было-таки обнаружено. Множество всяких спекулятивных акций, касающихся покупки-продажи шмоток, совершалось на этих концертах, с чьей-то легкой руки названных сейшенами. И нас всех, кто взял в руки электрогитару, отрастил волосы длиннее стандартов, предусмотренных то ли уставом внутренней службы, то ли чьим-то начальственным окриком, решили переписать, чтобы знать, с кем бороться. И имя нам было «легион».

В общем, где-то в конце лета 1968-го... Написал «лето 1968-го» и вспомнил студенческие волнения в Европе, хиппистское движение, август в Чехословакии. Может, это был упреждающий шаг ГБ?

Короче, был кинут клич, что в Москве на улице Горького в помещении кафе «Молодежное» начнет функционировать бит-клуб. И каждую неделю по вторникам там будут прослушиваться по две группы, которым даст оценку жюри, состоящее из «авторитетов музыкальной жизни», идеологов (несколько человек из горкома ВЛКСМ были командированы в «Молодежное») и еще пары-тройки человек из музыкантов, выдвинутых самой биг-битовой общественностью. И завертелось...

Через 2–3 вторника кафе «Молодежное» превратилось в центр притяжения волосатых, «расклешенных» парней и девчонок и просто людей с гитарами. Не знаю, как там было в Ливерпуле у ихней «Каверн» («Пещеры»)¹, но в Москве от «Маяковки» до «Белорусской» через одного встречались субъекты, которые хотели припасть душою и устами к «родникам». Музыканты получили специальные «корочки» – членские билеты, позволявшие пройти через заслон в кафе. И мы не ломали голову, зачем нами заполнялись какие-то анкеты и сдавалось по три фотографии. Хотя наверняка процесс «упорядочивания» шел, думаю, успешно, но музыканты об этом не думали и кайфовали от того, что появился СВОЙ дом.

И «Молодежное» превратилось в лабораторию, в место, где можно было познакомиться друг с другом и обменяться свежими музыкальными идеями и приемами. А главное, все поняли, что, являясь королями своей подворотни, на уровне Москвы ты мог и не котиrowаться. Думаю, что этот «учебный» год многих подстегнул и научил играть. Правда, к следующему лету «Молодежное» для нас закрыли. Официальная версия – жалобы от жильцов дома, где располагалось кафе, на громкую музыку. Но год – целый год! – был наш. Там-то мы с Сергеем и встретились и в первый раз поговорили. После нашего выступления, а я тогда был в группе «Ребята», Соколов подошел ко мне и спросил:

– Слушай, откуда я тебя знаю?

Не узнать Сергея было сложно.

– А помнишь, ты в ДК МИИТа на барабанах занимался? – напомнил я.

¹ «Каверн» — клуб в Ливерпуле, место, где впервые получили известность в народном масштабе «Битлз».

– А-а-а... Вот откуда мне твоя фотокарточка известна... А ты прилично поешь.

– Да нет, прилично поет Коля Воробьев, а я подпеваю.

– Почему? В «Girl» ты меня убедил, а Воробьев был у тебя на подпевках. Поздравляю, пока лучше вас битлов здесь никто не пел.

– Еще не вечер...

– А чего я тебя к себе в группу не позвал? – вдруг спросил Соколов.

– Да я бы, наверное, и не пошел тогда. Ты был такой суровый и не улыбочивый. Думаю, что все произошло так, как должно произойти...

Мы остались довольны друг другом и разъехались по домам, не обозначив желания увидиться вновь.

Сейчас, размышляя о этапе нашего становления – как творческих личностей, так и мужчин, – могу сказать, что интуиция вела нас вперед, не давая заблудиться в лабиринте жизни или, наоборот, заводя в какие-то безвылазные болота. Серегин подъем как лидера «Горного Короля», судя по всему, пробуксовывал. «Gloria» и «Whiter shade of pale» собирали доброжелательные отклики, но голодная, всепожирающая публика требовала новых «хлебов» и «зрелищ». И если поклонники «Beatles» (а мы считали себя не только поклонниками, но и учениками легендарной группы) развивались вместе с ними, то быть поклонником, вернее, клоном группы «Them» было значительно труднее. «Them» не дотянула до авангарда британского рока и затерялась на бескрайних просторах. И скажите, как на них ориентироваться? Как играть? Что играть? Инерция, да, она позволяла еще пару лет успешно планировать над бывшими фанами, а дальше? Катапульта? Декларация, что все дураки?

И жизнь подсказала наименее травмоопасный выход – надеть на себя тогу борцов за чистую идею и предать анафеме всех, кто изменил канонам рок-н-ролла. Идея, в принципе, не нова, но до сих пор она служит спасительной гаванью для всех, кто в какой-то момент сошел с дистанции, а Серегин «Горный Король» определенно испытывал кризис жанра. Узурпация власти часто не приводит к положительным результатам, особенно если надо подкрепить успех. Первый успех. И вот уже Толик, ждущий сиятельных указаний старшего брата, что надо спеть, за рюмкой вина винит Серегу, что он связал ему руки, а то бы он... Вот уже гитарист и клавишник, привычно получая по рукам за проявленную инициативу, эти самые руки опускают. Но группа еще жива, хотя смрад процесса разложения все острее ощущается внутри коллектива и среди ближайшего окружения.

Не знаю почему, обычно на откровенность со мной тянет девушек и женщин, но однажды Серега Соколов решил со мной поговорить за жизнь и за музыку. Мы встретились в кафе, и он начал:

– Знаешь, мне в такой облом, что все предали рок-н-ролл и рванули в попсу зарабатывать деньги.

– Хлесткое слово ты употребил – «попса». Сам придумал? – поинтересовался я.

– Да не знаю, наверное, где-то подслушал. Ну так ты не уходи от ответа.

– А чего уходить? Я думаю, что застывшая и закорстевшая форма, не получающая развития, еще хуже, чем ревизия рок-н-ролла.

– Ты так думаешь?

– Посмотри, даже несмотря на всякие «Them», ты не откажешь в величии битлам? Так у них музыка каждый раз новая. Я думаю, что, если верить в провидение, то они должны «умереть», вернее, разойтись на своем пике и этот расхил битлов уже близок.

– Слушай, плачет по тебе инквизиция... Как ты можешь, вообще, говорить такое о битлах.

– Серега, да сними ты со своих глаз шоры... Да, они – великие, но они люди... Я думаю, что, как бы нам, их поклонникам, ни было горько, финал их где-то рядом. А потом, посмотри, песни пишутся ими и записываются в одиночку. Я уже чувствую, где Джон, где Пол, где

Джордже... И это нормально. Ты же слышал «Let it be»? А что это значит? «Пусть будет так». Я думаю, они все понимают сами. Но посмотри, какой они прошли длинный путь... А ты связал своих цепью, как рабов на галере, и надеешься, что эта галера будет плыть долго-долго и прямо-прямо. Так не бывает. Дай ребятам глотнуть воздуха свободы... А то ты, с одной стороны, своим рок-н-роллом борешься, как говоришь, с большевиками, а с другой – устроил рабовладельческий строй.

– Не, старичок. Ты не прав... Рок-н-ролл я не предаю, тем более что концертов у нас еще хватает.

– Да называй ты свою музыку как хочешь, только меняйся. «Yesterday» это – рок-н-ролл?

– Ну, это барокко-рок, – изрек Соколов.

– Угу, хреноко-рок. Серега, ну почему битлам интересны валторна и струнный квартет, а тебе втемяшился ритм энд блюз, сидишь в нем и хрюкаешь.

– Ладно, отстань.

И мы снова расходились и снова, встречаясь со мной, он терзал меня вопросами, ответы на которые он не хотел слушать, вернее, слышать...

V

Несмотря на то что московский рок-н-рольный круг был весьма ограничен, встречались с Соколовым мы довольно редко. А время текло – менялась жизнь, менялись мы. Группа «Ребята», где я, да, впрочем, все мы неплохо жили и играли, распалась, оставив множество ссадин в душе и желание доказать всем вокруг и Воробьеву – нашему басисту и лидер-вокалисту, ушедшему в профессионалы, – в частности, что он не прав и что мы еще себя покажем.

Мы с барабанщиком Сашей Жестыревым объединились со Славой Кеслером и Юрием Чепыжевым из университета в группу и назвались «Мозаикой». Поскольку в «Ребятах» всей административной деятельностью, то есть устройством концертов, занимался я, а Слава и Юра в университетском «Спектре» были тоже лидерами, концертов и приглашений всякого рода хватало. Мы быстро завоевали свое место в московской иерархии рок-н-ролла и даже поднялись вверх по этой лестнице, ведущей к успеху. Думаю, то, что мы писали и пели свои песни, способствовало нашему продвижению. И если в «Ребятах» сочинительствовал я один, то в «Мозаике» «острая конкурентная борьба» трех авторов – Кеслера, Чепыжева и Малевича явно способствовала появлению качественного продукта.

А что Соколов? Да ничего... Старая песня о еретиках и невозможность сыграть каверы новых кумиров – зеппелинов, дип пёрпл и прочих грэнд фанков. А время поджимало... Надо было определяться, кем быть – музыкантом или кем-то там еще. Умения сыграть на барабанах «Twist again» явно не хватало, но не хватало еще и мужества признаться в этом самому себе. И случались какие-то выступления, и отсеивались неудобные мнения, и в очередной раз убеждал он сам себя, что все хорошо. Как там было на самом деле у «Горных Королей», я не знаю, но думаю, что мои соображения очень близки к истине. У нас, если быть корректным, проблемы возникали тоже и желание зарабатывать любимым рок-н-роллом деньги поднималось в полный рост. Тем более что все участники «Мозаики», кроме меня, были женаты, и, что там им втирали по ночам их жены, остается только догадываться. Но мы играли, сочиняли и откладывали до очередной весны вопрос: что же нам делать.

А Жестырев служил в симфоническом оркестре, и в очередной раз его непустили на все лето с нами играть в спортлагерь МГУ «Буревестник». И у нас встала проблема – с кем ехать играть на юг, кто сумеет заменить нашего Шуру, который не только профессиональный барабанщик, но еще и певец, на котором лежат все верхние голоса. Да и вообще Шура – наше лицо даже больше, чем я или Кеслер. Витя Дегтярев, который часто подменял Шурика, уже служит в «Голубых гитарах», а об остальных... Господи, да у всех свои планы... Не помню, кто первым вспомнил Соколова, но когда я ему позвонил, он сказал, что с радостью полетит с нами на юг.

– Знаешь, я тут развелся с женой, и мне неплохо бы сменить обстановку и зализать раны, – сказал мне Соколов.

– Серега, да мы тебе столько языков найдем для зализывания, что еще на заливное останется. Как тебе заливное из языка с хреном? И в уши тебе будем дифирамбы петь. Специально для тебя разучим «Down on the corner» и «Venus» – ваши коронки из «Горного Короля». А твои не обидятся?

– Да нет... Мы в июле как раз решили разбежаться до осени.

– Кайф... Поиграем вместе, вина попьем, девок потопчем, – обольщал я.

– Во-во... Особенно девок. Буду топтать с ненавистью.

– Дурень, им это еще сильнее понравится, потом не отвяжешься, – авторитетно заявил я.

– Ладно, полетели. Готовь море портвейна и бочки девок... Че-то я с девками запутался.

– Хорошо, горы девок и море портвейна.

– Пусть будет так. Let it be...

И мы полетели на юг, в Вишневку. И играли танцы, играли в кайф – так обычно бывает с новым музыкантом. А вечером, вернее, ночью отправлялись к тете Ане на Республиканскую, дом 4. Там всегда было в ассортименте вино в розлив и свежие, с грядки, помидоры и огурцы. И были девчонки, и кто-то уходил от стола в ночь, а Соколов оттаивал.

В нашей компании была девушка, секретарша с химфака МГУ Лена Ленковская, которую все величали Ленек. В меру красивая, в меру стройная, в меру веселая и остроумная и невозможно целомудренная. Кеслер «на слабо» меня завел, что с Леньком у меня ничего не получится. И я завелся – распустил перья, анекдоты рекой, гитару не выпускал из рук, и первая высота была взята. Ленка согласилась со мной отлучиться на обрыв послушать «что скажу». А Ленек была почти штатной певицей «Буревестника» и при удобном случае пела «Summer time» и «Словно сумерек» из репертуара «Поющих гитар». И я утащил ее на обрыв, который над морем, обсудить творческие проблемы. После артподготовки и рекогносцировки местности я решил приступить (это уже на обрыве, куда обычно ходили за энтим самым) к решительным действиям. Но моя рука была отвергнута так убедительно, что я засомневался в истинности фразы «Если женщина говорит „нет“, то это означает „может быть“». В тот раз я понял, что если полезу за подтверждением этой мысли, то получу по хлебальничку.

– Славка, отстань... Да отстань, я тебе говорю... Лучше мне расскажи про Серегу, – полусерьезно отбивалась Ленка.

– А что, понравился?

– Дух захватывает.

– Может, поспособствовать?

– Ох, уговорил, речистый... Пошли к тете Ане, а то он чего-нибудь подумает.

– А я? – сжигая последние мосты, спросил я.

– Славка, да покажи, кто тебе по нраву, я тебе любую приведу.

– И это за Серегу? – продолжил я торг.

– А за Серегу еще двух.

– Заметано.

И мы вернулись в сад к тете Ане, и Ленек села, как бы случайно, рядом с Серегой.

А через два дня Соколову захотелось выговориться, и он полночи мне рассказывал, что у него ничего подобного не было и что по возвращении в Москву они женятся.

VI

Захотел выговориться... Знаете, когда сейчас читаю всякую «литературу» в мягкой обложке, уместающуюся в карман, постоянно натываюсь на сцены соблазнения главной героини или просто описание трах-тибидоха, причем эти сцены появляются как бы для поддержания температуры повествования, а может быть (о, ужас), для привлечения молодой читательской аудитории. Любопытно, что автор умудряется описать чувства и чаяния как героя (мужской особи), так и героини (слабого и чаще всего незащитного существа). Как он может правдоподобно это все описать, декларируя себя либо мужчиной, либо женщиной, для меня остается загадкой. Поэтому, когда читаю о том, что он жадно обхватил ее своими ненасытными руками и рот его безжалостно начал целовать ее губы, покусывая их и облизывая и стараясь своим языком заполнить ее уста... Ладно, в это я еще поверю, если автор – дядька и вспомнил, как он, бывалоча... Но когда тот же дядька с той же силой убеждения вещает мне, что ноги ее стали ватными, а бедра подались вперед к неземному наслаждению, то думаю, это сам он (автор то есть) где-то прочитал и бесстыдно, не перевоплотившись в даму, втирает нам о наслаждении, которое в этот вечер было разлито в воздухе. И я решил тоже описать подобную сценку. Правда, используя поэтический ряд.

*Язык твой отыщет заветную дверцу.
И закончился круг, и взрывается сердце.
А потом не спеши, будь и нежным, и смелым,
Наслаждаясь любимой душою и телом.*

А у нас же с Сергеем все было значительно прозаичнее. Степень уважения нашего барабанщика к своей Даме была столь высока, что я не осмелился бы даже спросить: «Ну, как?» Ему самому, хотя за плечами у него уже был неудачный брак, хотелось поделиться своим восторгом, удивлением, радостью.

– Славок, ты не представляешь, она – девочка.

– Была или есть?

– Знаешь, я решил на ней жениться, поэтому скажу, что была.

– Да... Ее можно занести в рубрику «интересно, что»...

– И не только туда. У меня было достаточное количество женщин, но чтобы вот так с первой ночи... Я не верю... Представляешь, что это было какое-то притяжение, которому невозможно было противостоять... Чума.

– И... – попытался я заполнить паузу, глядя на замолчавшего Соколова. И он продолжил:

– Мы сразу же начали искать жилплощадь.

– И что, все было занято?

– Ну, обрыв... ты понимаешь... Мы пошли в сад...

– Там же змеи?

– От этого все было только ярче!

– Конечно... Тут тебе и змей-искуситель, и яблок, правда, еще зеленых в достатке.

– Да, дружище, какая-то библейская история, – поймал мою ироничную волну Серега.

– А ребра-то ты у себя проверял? Все на месте?

– Там пара человек за Леньку хотела мне ребра пересчитать, но я отбил. Потом сам свои ребра потрогал, порядок. Знаешь, я думаю, что свою Женщину я создал из песни.

– Главное, чтобы песня из моды не вышла...

– А мы ей новую аранжировку придумаем.

– Слушай, извини, что к земному... Знаешь, я себе облюбовал очень хорошенькую гостиницу «Тому, кому нигде», – сказал я.

– И где это? – с интересом спросил Серега.

– Не знаю почему, но никто не догадался и не использует сцену в зеленом кинотеатре. После демонстрации фильма за экраном очень комфортно. Душа, правда, нет, зато море под боком.

– Забудь... У меня с Леньком какое-то неземное состояние – состояние какого-то непрерывного оргазма.

– Серега, придется, извини, теперь менять свои музыкальные пристрастия. Девушка у нас обожает традиционный джаз и песенки из репертуара сам знаешь кого...

– Перевоспитаем.

– Думаешь «Them» ей будет любо?

– Любо, братцы, любо и «Animals» полюбит, и всяких «Kinks».

– Не захочет, заставим!

– Нет, все произойдет добровольно.

VII

Юг, море, впечатления от игры с новой группой и, конечно, Любовь – вот составляющие хорошего состояния духа Сереги Соколова в то лето 1972 года. Июль пролетел. В Вишневку приехал основной наш барабанщик Саша Жестырев, и Король Гор, да что я – Горный Король загрустил.

– Ты знаешь, а мне понравилось с вами... И в жизни, и на сцене. И даже то, что вы поете по-русски, меня не раздражало. Я видел, что людям это по душе.

– Да, Серега, ты что? Это же обман зрения... – пытался я вывести Соколова из серьезки.

– Я же понимаю, что этого не должно быть, но это было, черт возьми.

– Да, придется «Them» отодвинуть, и Толяну изловчиться и спеть что-нибудь по-русски.

– Нет, я не потерплю в «Горном Короле» разброда и шатаний. Мы будем верны рок-н-роллу и умрем, распевая «Gloria».

– И все вместе – «Вихри враждебные веют над нами».

– Нет, правда, вы что-то во мне сломали, – сказал Сергей.

– Да нет же, мы в тебе взрастили ростки нового...

– Ладно, все равно тебе спасибо за лето, за музыку, за Ленька. С тобой нельзя серьезно разговаривать.

– Ну, за Ленька ты нам еще не раз проставишься...

– Проставлюсь-проставлюсь... А вот насчет репертуара и творческого лица...

– Если серьезно, то объясни мне, мил-человек, что ты так не жалуешь русский язык? Ведь ты сам себя обездоливаешь, когда поешь на американском языке, языке наших классовых врагов, – спросил я.

– Почему ты так говоришь? Ведь оперу поют на итальянском, и ничего, и запросто во всех театрах звучат Верди и Пуччини.

– А в русских – Чайковский и Бородин, причем на русском.

– Ну вот вы с Кеслером напишите достойных рок-н-роллов на русском, тогда мы... Кстати, можете и Градского подключить.

– Напишем или нет, не нам судить, но попробуем.

На том наша искусствоведческая беседа с Соколовым закончилась... А вскоре он улетел в Москву. Месяц август Ленек страдала без Сереги и моя жилетка не просыхала от ее слез. А в сентябре в Москве они встретились, и мы их «потеряли». Любовь, братцы мои, непростая штука. Как мы, я имею в виду «Мозаику», и предполагали, Серега попытался не только ввести русский язык как второй государственный в «Горном Короле», но и подтянуть Ленька в качестве солистки. Получился этакий «компот» ресторанного разлива, и произошел бунт на корабле, смысл которого – «нас на бабу променял».

И Серега бросил «княжну», то есть Ленку, ставшую его очередной женой, за борт на домашнее хозяйство. И она нашла себя. Чистый дом, ухоженный Соколов, иногда нытье, что «ты не позволил мне стать джазовой певицей». Но Соколов был в порядке, и это отмечали все. Он, правда, все больше пропадал на заработках, чиня телевизоры и настраивая всякую разную радиоаппаратуру, но для «Горного Короля» времени хватало. Другое дело – кризис жанра. Время воспитало новых героев – уже никого невозможно было удивить пением по-английски. В большинстве ресторанов пели шлягеры от «Yesterday» до всяких там «Криденс», тем более что неулыбчивый брат Толик Соколов не молодел, и его уже не спасала «милая близорукость». Толик не пытался «искать», а его все чаще находили желающие с ним выпить. И это постепенно превращалось в зависимость.

А время шло. В семье Соколовых появился сын Димка, и у главы семейства в полный рост встали проблемы «кем быть» и «как жить». Однажды, году в 1976-м, мы с Сергеем встретились часов в 10 вечера в метро, возвращаясь домой. Он, как и я, жил на проспекте Вернадского. Сначала в поезде, а потом на улице мы проболтали аж за полночь. Серега катил бочку на всех, в том числе и на меня, что мы предали рок-н-ролл – мечту нашей юности. Эти мысли порой приходили и ко мне в голову, и я пытался ему как-то оппонировать, убеждая попутно и себя. Я в то время уже всю работу на профессиональной сцене и даже сменил место работы, уволившись из «Веселых ребят» и перейдя на службу в «Голубые гитары».

– Я понимаю, ты – певец, тебе трудно, ты вынужден, – говорил он.

– Нет, пойми, просто наступило время – или я занимаюсь профессионально музыкой, или ухожу в науку. Кеслер защитил диссертацию, Жестырев ушел в симфонический оркестр, а я сидел между двух стульев.

– А знаешь, меня зовут в «Бастион» Алексея Баранова, – заявил Сергей.

– Кем? Барабанщиком?

– Да не совсем. Они же играют джаз-рок. А нынче барабанщики шпарят на двух бочках. Билли Кобэн слышал? А я со своей ногой? Мне бы с одной бочкой справиться. Нет, меня приглашают на многофункциональную работу.

– Это как?

– Ну я должен привести в порядок аппарат.

– Это ты умеешь.

– А еще – всякая перкуссия. Конго, бонги, бубен, маракасы.

– Я думаю, это интересно. Тем более в «Бастионе» играют инструментальную музыку, и тебе не надо будет идти на сделку с совестью.

– А помнишь, как мы в «Буревестнике»? А?

– Как не помнить?.. И тебе, я скажу, не в лом было «Наташку» и «Гусляров» играть с нами.

– Не я же принимал решение, вы же были генералы.

– А, кстати, как ты будешь себя чувствовать без «руководящей работы»? В «Бастионе».

– Ой, и не знаю. Попробую Баранова на ковер вызвать, но боюсь, что не придет, – усмехнулся Соколов.

– Ну ладно, Серега, Бог в помощь.

И Серега ушел в «Бастион». И до меня доходили слухи, что он там прижился, даже собрал студию. Кто-то передавал от него приветы и желание что-нибудь записать вместе, если я, конечно, созрею.

Интересно, что первый альбом Лозы Соколов записал на своем аппарате. Я этот альбом где-то на гастролях услышал, разозлился и приложил все силы, чтобы тоже записаться. Так что Серега завел меня... Но мой рассказ не об этом.

VIII

Многие почему-то считают, что музыканты, особенно те, которые на виду, дружат и постоянно ходят друг к другу в гости и вместе закатываются на всякие тусовки. Как правило, если ты проводишь много времени на гастролях, то люди, с которыми ты делишь сцену, часто становятся для тебя средой обитания. Так что в то время, когда мы гоняли по стране девяносто процентов времени, со многими коллегами мы не виделись годами, так как у них были свои маршруты. А приезжая домой, не могли насытиться общением с семьей и близкими. Поэтому неудивительно, что Соколов опять выпал из моего поля зрения. Мы отвыкали друг от друга, у нас росли дети, появлялись новые привычки и привязанности. Сергей и Ленек, по слухам, жили дружно. Серега зарабатывал не только музыкой, но еще и всяческим ремонтом дорогих в то время телевизоров и видеков. Он был рукастый и хозяйственный парень. И в доме на улице Удальцова, где они в то время жили, все блестело, сияло и говорило о достатке. Мы с ним снова случайно встретились, и он затащил меня к себе. Вспоминали рок-н-рольные времена, «Мозаику» и «Короля», спортлагерь «Буревестник». Ленек, которая в шутку называла меня свахой, пригласила нас с женой и нашим сыном Никитой в гости.

– Слав, заходите, может, дети подружатся, а мы видак посмотрим, – вторил жене супруг.

И мы зачастили к Соколовым. В то время видеомэгафон был редкостью, и мы стали постоянными зрителями невиданных доселе фильмов с Чарльзом Бронсоном, Брюсом Ли и прочими Николсонами. И в квартире Сереги образовался видеосалон, в который заходили его друзья, мы. Иногда нам позволялось привести кого-то из своих знакомых. Хозяин радушно подливал гостям в бокалы вино и комментировал происходящее на экране, а жена его что-то там стряпала на кухне, и оттуда доносились аппетитные запахи и шкворчание мяса на сковородке. Выпивки бывало выше крыши, так как она была своеобразной платой-билетом за просмотр нового фильма из коллекции нашего барабанщика. Сервировка стола, нужно отдать должное Леньку, а может, Сереге за то, что он так ее воспитал, всегда была, как в лучших ресторанах Лондона. Хрустальные бокалы для вина и напитков, набор вилок и ножей. Вспоминается один наш вечер, который чуть не закончился погромом хрустальной посуды.

Маленькое лирическое отступление.

Моя жена в годы своего студенчества, а закончила она школу-студию МХАТ как актриса, была ну очень взрывного темперамента. Особенно это касалось фильмов и театральных постановок. Она настолько погружалась во внутренний мир героев, когда смотрела кино или спектакль, что слезы и громкий заразительный смех были ее постоянными спутниками. Однажды, это еще в период нашего женитьбы, мы отправились смотреть в кинотеатр «Мир» французский фильм «Двое в городе»... Два великих актера – Жан Габен, игравший полицейского, и Ален Делон в роли преступника – создали неповторимо правдивую историю, которая захватила всех зрителей. В конце фильма полицейский ловит преступника, того судят, приговор – смертная казнь. И наступает время, когда героя Алена Делона возводят на эшафот, ему разрывают рубаху, на экране показывают гильотину. Нервы зрителей напряжены, и вдруг Татьяна в голос начинает рыдать. Удар по нервам зрителей был даже более сильный, чем луч солнца, отразившийся от клинка гильотины. Шум в зале, кто-то кричит:

– Выведите эту истеричку...

Я в растерянности, пытаюсь уговорить свою еще не невесту Татьяну выйти на воздух. Она, размазывая слезы по щекам (слава богу, тогда она еще не красилась), кричит мне:

– Отстань, я должна это досмотреть до конца...

Когда мы выходили из кинотеатра, один из зрителей, увидев заплаканное лицо моей избранницы, сказал:

– Да, парень, повезло тебе...

Я до сих пор не пойму, что он имел в виду. Кстати, сейчас подобные проявления чувств я все реже вижу у моей уже жены. Может, раньше она хотела показать мне, какая она тонко чувствующая, а может, мы не те картины теперь смотрим, хотя всякие фильмы про «золото партии» и про Врангеля мы заставляли себя посмотреть. А на фильм «Новые приключения „Иронии судьбы“» так вообще в кинотеатр сходили и для лучшего понимания фильма жевали воздушную кукурузу.

А в тот раз у Соколовых должна была собраться шумная и пестрая компания. Было закуплено всяко-разно... Ленек кашеварила на кухне, а хозяин поставил нам триллер с Чарльзом Бронсоном в главной роли. Фильм назывался, по-моему, «Крик». Начиналось действие в одной из студий Лос-Анджелеса. Героиню фильма, которая смывала в душе смрад тяжелого трудового дня, убивает, и, судя по количеству красной краски, разбрызганной в санузле, убивает весьма успешно какой-то отпетый негодяй. Собственно, сцена уже снята, и идет озвучка. И актриса, исполняющая роль убиенной, никак не может органично заорать, чтобы зрителю мороз по коже пустить. И ихний Станиславский в четвертый раз кряду не принимает работу, причем, прокручивая эпизод в очередной раз, режиссер «Крика» добился, чтобы мы в деталях рассмотрели героиню. Но ужаса все не хватает и не хватает. И тогда режиссер прекращает озвучание и отпускает актрису домой навстречу судьбе. А в это время в реальной жизни серийный убийца (а может, и несерийный) готовится в очередной раз пролить кровь. Он, почему-то голый, подбирает нужный инструментарий для своего негуманного поступка. Продемонстрировав бицепсы, трицепсы и прочие глютеусы (ну, по-нашему, задницу), наш красавец, наделенный недюжинным отрицательным обаянием, отправляется на «охоту», все-таки запаковав свой организм в какие-то необязательные одежды.

А в другой части города в эти минуты в помещение придорожного пивняка заходит только что уволившийся по собственному желанию из полиции еще один персонаж, которого играет Ч. Бронсон. И мы понимаем, что хеппи-энд обеспечен, но все равно интересно, как они дойдут до места, где произойдет основная схватка героев. Место, выбранное для съемки этой сцены, удивительно напоминает железнодорожную станцию «Мытищи» Ярославского направления.

И вот актрисуля, не умеющая органично кричать, наш бабаеб и Бронсон, взявший след, встречаются на этой станции. Маньяк, почему-то опять голый, гонится за гражданкой актрисой, у которой постоянно сползает лямка воздушного платишка. Причем у насильника в руках здоровенный нож. А у героя Бронсона парабеллум, думаю этак 38-го калибра. Девка орет, на этот раз уже в тему... Где господа пассажиры и встречающие, непонятно, потому что эта троица гоняет по лестницам и перронам в гордом одиночестве, и расстояние между ними все сокращается...

А в далекой московской квартире около стола, нарядно сервированного хрусталем и мельхиором, сидели, ожидая гостей и застолья, я, моя жена и наша хорошая подружка Наташа Тургенева. Мы с Натальей не заметили, как моя женушка успешно телепортировалась в лос-анджелевские Мытищи, как взгляд ее стал стеклянным и во время одного из воплей героя или героини моя благоверная, словно ниндзя, взлетела над диваном и над нами с жутким криком. С тем криком, который наверняка бы устроил режиссера из фильма в фильме, и удар ногой сверху обрушился на «стол на загляденье». Удар, звон посуды (кстати, вы не поверите, но ничего не разбилось), и Татьяна продолжила досматривать фильм, не вернувшись в реальность. А Наташа Тургенева тихо заплакала, встала из-за стола со словами:

– Ну вас на фиг, ребята, с вашим кино, – и со слезами на глазах пошла на кухню к Леньку.

IX

После подобных посиделок мы с Соколовым, пока наши женщины приводили квартиру в надлежащий вид, чаевничали и толковали о житье-бытье. Причем в основном говорил он, а я слушал. У меня в жизни все было более менее гладко, я стал известным артистом, обладавшим определенным запасом прочности как в творчестве, так и в бизнесе, если можно было так назвать то, чем я занимался. И мы говорили о стране, о тенденциях развития экономики и, как отдельное ее подразделение, обсуждалась «наша» музыка.

– Тебе хорошо, – говорил Серега, – ты сделал себе имя, и, как ни называй то, что ты и твои «Саквояжи» поете, тебе, это я вижу, нравится.

– Ну, знаешь, жизнь так быстро меняется, что все предусмотреть нельзя. Хотя, случись что, я смогу, как и прежде, с гитарой наперевес денег заработать.

– А что, тоже чувствуешь, что мертвечинкой-то пахнет? – ехидно спросил Соколов.

– Да нет, вроде как помещение проветриваю, а вообще тревога есть...

– Еще бы... Вот мы тут выпиваем, мясо жрем. А где это мясо купить? На рынке, магазины-то пустые. И все эти тусовки с «поросятами» на столе и на сцене...

– Ну, пир во время чумы... – сказал я банальную фразу.

– Да ладно, мы с тобой успели урвать. И погуляли, и попели, да и девчонки...

– Ты это к чему?

– Да я все о Димке с малым думаю. Знаешь, если будет возможность, я срулю отсюда, – сказал Серега, закуривая.

– Куда?

– Да в Штаты.

– А что, тебя там ждут?

– Да прорвусь, – отрезал Серега.

– Так придется отстреливаться, погоня будет... А еще хуже, если не будет и поймешь, что и гнаться за тобой никто не собирается. А потом, у тебя на руках два пацана и жена. Да и профессии для ихней жизни ни у тебя, ни у меня нету. Так, как мы поем, в каждом переходе поют черные, чтобы набрать на дозу. А где сейчас Валов, где Лерман да и все остальные? А они среди нас были отнюдь не последними!

– Да ладно, это я так... Осталось там винца? – спросил Серега, сворачивая беседу.

– Ну не так чтобы... Сейчас плесну...

И мы пили, чтобы уйти от темы разговора. Не помню, выводил ли Соколов меня на идею совместного концертирования, но у нас в «Саквояже» был комплект и у Горного Короля хватало гордости не переводить наш треп в эту плоскость. И он не просился к нам барабанщиком.

И грянула реформа Гайдара. И все в одночасье стали, скажем так, небогатыми. И все стали «капиталистами» и стали считать деньги, которые надо заплатить за аренду концертного зала, за рекламу, за перелеты и т. д. Это коснулось всех, и все начали минимизировать расходы. И группы, игравшие джаз-рок, уволили духовую секцию, заменив живое звучание на имитацию клавишных. А что? Если включить на «Korg'e» тембр «bruss», то звучит очень живенько, и зритель не отличит, да и все равно ему, этому зрителю, кто там играет эти никому не нужные дурацкие синкопы. А потом отпала нужда и в барабанщиках: сами посудите – их, барабаны то есть, нужно либо транспортировать, либо брать в аренду, а это какие деньжищи. А сколько грохота от них, их же никогда невозможно отстроить.

А еще мэр города N-ска был на концерте и очень недоволен остался звучанием большого барабана... Особенно по ушам била верхняя середина. Так и сказал: «Верхняя середина».

И начались увольнения... Да какие увольнения? Тогда ведь толком никто никого на работу и не принимал. А профсоюз? Какой профсоюз, кто такой профсоюз? Ты – профсоюз?.. И вот однажды духовику или ударнику перед следующей поездкой никто не звонил, и он понимал, что надо выкручиваться самому.

Я не помню, как все это происходило в «Бастионе», скорее всего различных умений и гордости Соколову хватило, чтобы достойно объясниться с Барановым, да и сам Баранов, думаю, искал с Серегой вместе компромиссные варианты. Короче, ушел Соколов на вольные хлеба, но фасон при встрече со мной держал и старался не жаловаться на горькую судьбину. Единственное, озадачил меня тем, чтобы я ему, как супермастеру, поставлял клиентов для починки любого аппарата.

Х

Деньги, русские деревянные, превратились в ничто, но даже это «ничто» негде было заработать. И уже у многих сторонников «демократического образа жизни» стали возникать вопросы «как же так?» и «туда ли мы идем?». Как мы выстояли в те годы и не превратились в плен – до сих пор эти вопросы не находят у меня ответа. Разговоры о том, что сейчас эпоха Водолея и Россия находится под защитой этого знака зодиака, меня не очень убеждают. Мне думается, что те, кто сначала обрадовался упадку нашей страны, потом поняли, что, если попробовать, как в борцовской схватке, дожать, мы можем не удержать атомную бомбу ослабевшими руками, и она рванет. В общем, выстояли, но было несладко, а иногда и стыдно за себя и за своих рулевых.

В это время Соколов, а он уже не мог быть вне МУЗЫКИ, начинает работать диджеем дискотеки в одном из интеротелей Москвы. При встрече он меня уверяет, что формирует репертуар, что его диско – явление в индустрии развлечений города, что америкосы, бундеса и финики готовы его носить на руках. Лучшие телки, открыв рот ждут, только его знака.

– И ты чего, маякуешь? – ехидно спросил я.

– Ты что, зачем мне это... – с чувством ложного пафоса отвечал он.

– Серега... Дискотека... Всякие «Modern Talking» и «Joy», «СС Katch». Где твои идеалы, твой рок-н-ролл? Господи, как тебя перемолола эта безжалостная жизнь.

– Малежичек! Ты чего сегодня вечером? Может, бухнем?

Я в первый раз услышал от Соколова подобное предложение. Звоночек тревоги тренькнул у меня в душе.

– Да нет... Поехали домой, нам по пути. Поболтаем... Завтра у меня ранний вылет.

– Ну как хочешь. А я себе возьму... Дома перед сном... Устаю очень.

– ОК. А как Ленек? Как дети? – спросил я.

– Все здорово. Ты же знаешь мою позицию – женщина не должна работать.

– Ну это я усвоил. А ребята?

– Димка со школой по линии обмена школьниками между Россией и США едет в Нью-Йорк. Пусть посмотрит. Нам же с Толяном нельзя было выехать из страны из-за засекреченного папки, а Димка пусть съездит, потом отцу расскажет.

– Ну и дяде Славе пусть тогда тоже глаза откроет и жвачки привезет.

– Заметано.

– А маленький?

– А маленький еще маленький.

Девятиклассник Дима Соколов полетел в Нью-Йорк в город-мечту, в который его отцу так и не суждено было попасть. Соколов-старший был страшно горд, будто отправил сына на Луну. А еще через месяц он позвонил мне и попросил заскочить для «нетелефонного разговора».

– Представляешь, его хозяева... – начал Серега.

– Стой-стой, какие хозяева?

– Ну семья, где Димка живет в Штатах... Короче, у них детей нет, и они пригласили Димку остаться жить в их доме и закончить школу там, в Штатах.

– И ты чего?

– Я не против...

– А Димка?

– Димка сделает так, как я решил. Я же – отец.

– Лен, а ты чего молчишь? – повернулся я к жене Соколова.

– Я что? Серега решает... А я? Я буду плакать и помогать, если смогу чем.

– А как помогать-то? – спросил я.

– В том-то и дело, – это уже Серега. – У нас самих денег нет. Это скорее он, Димка, нам поможет. А потом – так повезти может только раз в жизни.

– Ой, ребята, что-то страшно мне за вас.

– Малежичек, а ты не бойся, – подвел итог Серега.

И Димка остался в Нью-Йорке. У него появился хороший английский, а в точных науках его американские друзья так и не постигли знаний наших восьми классов. А потом наступило время, чтобы определиться. И при всем бардаке, что творился у нас в стране, Димка, да и его родители в России поняли, что аттестата зрелости у сына нет, завтра-послезавтра маячит армия, и Димка решает не возвращаться домой, перейдя на нелегальное положение. Из симпатичного подростка он превратился в такого крепенького, с обильной щетиной на щеках мужичка среднего роста.

Его приемные родители отказали ему в доме, и вот уже двадцать два года Дима перебивается отдельными заработками, переходя с одной съемной квартиры на другую и меняя женщин не от того что, а потому что...

Я его встречал в Нью-Йорке на Брайтоне... Он с подружкой приезжал на мой концерт в «Миллениум». Я его свел со своим товарищем, обещавшим помочь ему обзавестись официальными документами, но в очередной раз не получилось. Он даже не смог прилететь в Москву на похороны своего отца. Это, правда, случилось чуть позже. Не знаю, то ли не было документов, то ли денег...

А пока Серега Соколов жил в кайфе, что коль ему не удалось по пути Колумба открыть Америку, то уж следующие поколения Соколовых будут счастливо жить на земле обетованной.

Кстати последняя новость от Димки – его новая женщина на сносях и вот-вот Ленек станет бабкой...

А Серега ушел рано. Инсульт... Я думаю, непосильный режим работы, когда зачем-то надо было ехать проводить дискотеку, не приносящую в общем-то денег, на другой конец Москвы. Это после тяжелого трудового дня... Выпивка... А главное, я думаю, самоедство! Невозможность примирить рок-н-ролл и «Modern Talking», понимание, что негде сыграть любимую музыку в современных «реалиях» и что «все они – козлы».

XI

Как это водится, на похороны и поминки собрались ВСЕ. Было много слов, много тостов. Ленек превзошла себя и собственноручно накормила несколько смен музыкантов, которые пришли поклониться Сереге Соколову – неплохому барабанщику и замечательному мужику. Как водится, говорилось, какие мы крутые, ругали беспринципность и дилетантизм молодых.

А потом решили собраться и сыграть концерт памяти Соколова. Кто-то сказал, что он сможет договориться с клубом, кто-то пообещал, что подгонит репортеров, кто-то сказал, что мы им покажем, как надо играть.

Все, кто поминал Серегу, пришли... Пришли с инструментами, прихватив еще и своих друзей. Было (ищу слово) невесело... Большинство выходявших на сцену были вне профессии, быстро это понимали и уходили в зал. Иногда повисала затяжная пауза. Но все-таки в кругу друзей Сереги Соколова были люди, которые состоялись как музыканты... И они прикрыли... За полночь все разошлись по домам, в общем-то понимая, что сделали что-то хорошее для Сереги, Ленька, а главное – для себя.

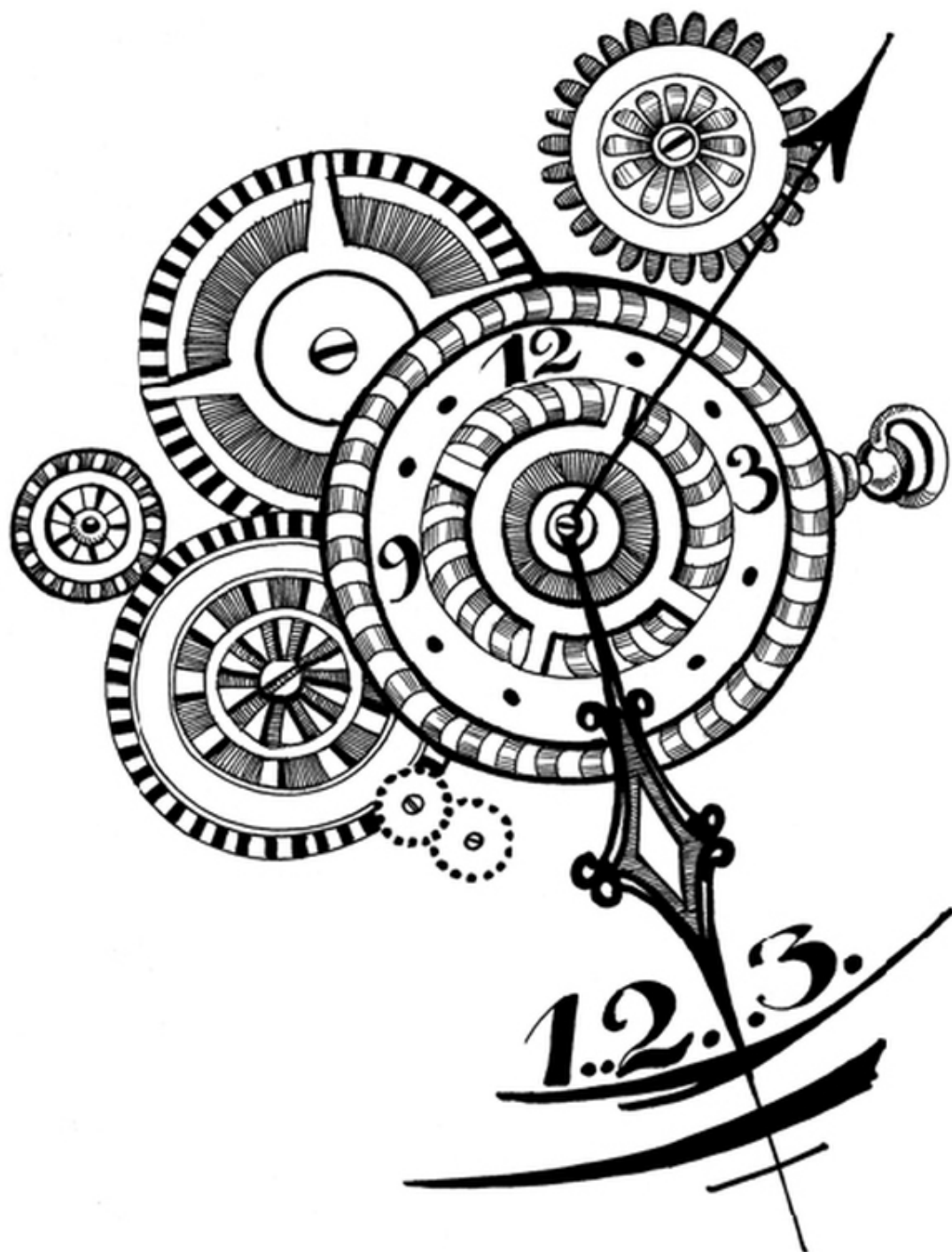
В этом году Ленек всю зиму провела в Египте. Вернувшись в Москву, она изъявила желание сгонять к нам на дачу.

– Я теперь лицо заинтересованное, – трещала она в машине. – События на площади Тахрир меня интересуют даже больше, чем сражения в нашей Думе. Славка, ну-ка, включи мне последние известия. Что там у нас в Шарм-Эль-Шейхах?

Я нажал на ручку автомобильного радиоприемника, и мы услышали голос диктора: «По просьбе наших радиослушателей исполняется симфоническая пьеса из спектакля „Пер Гюнт“ „В пещере горного короля“»...

Трудно быть первым...

– Знаешь, Ир, я хочу написать про Бушневского, – обратился я к своей старинной приятельнице Ирке Маслаковой, с которой нас (и наши семьи) связывала уже почти тридцатилетняя дружба.

– Да сейчас никто не читает.

– Да это и неважно. Напишу для себя, для тебя, для Тургеши, а там вдруг...

– А зачем ты хочешь это сделать? – спросила Ирка.

– Он для меня открылся как-то по-новому, с того момента, как всем сообщил о своей болезни. До этого была ты... Царица, барыня, красавица, творческая личность, взрывающая художественные и моральные устои. А Вовка?.. Он был как бы при тебе, в тени твоей кипучей натуры. Он позволял тебе солировать, был таким Менакером в дуэте с Марией Мирановой. Помнишь советскую эстраду?

– Да нет, ты не прав...

– Чего я не прав? Конечно, в компании, где были Тургеша и Смогул...

– Да и ты, мил мой человек...

– Ну, в общем... Нетрудно было потеряться.

– А что теряться – не теряться. Он был мой человек, и как мы жили-были, вот о чем надо говорить. Ты удивишься, а я ведь тоже хочу о нем написать.

– А может, нам объединиться? Будет такой дуэт Ильф и Петров? – предложил я.

– Ну, во-первых, я – Маслакова, а потом, ты послушай: картина первая...

– Ты что, спектакль затеваешь?

– Ну я еще не решила про жанр своего творения... Короче, выпускной вечер в моей школе, и мальчик Паша во время танца, а потом и во время совместного «заплыва» на Красную площадь пытается объяснить мне в любви. Но не хватает ему смелости. А мне это, ну ты сам понимаешь, все до фонаря... Потом взрослая, вернее, студенческая жизнь, и я, полная дура, вылетаю замуж за этого малахольного Маслакова.

– Подожди-подожди... Это за Пашу?

– За какого Пашу? Я же тебе говорю – за Маслакова, а у Паши фамилия была Голиков. За Мас-ла-ко-ва. Ты же понимаешь, я – дитя, он – дитя... Слава богу, что еще никого не смастерили...

– Наверное, не умели... – съехидничал я.

– Э-э-э, парень, с этим было все в порядке... Во всяком случае, нам так казалось... А потом раз...

– И в глаз.

– Хорошо, не пид...с. Чегой-то я, право?

– Ну что, не срослось? – вернул я Ирку в ее рассказ.

– И слава тебе, господи... Молодо-зелено...

– А что же Паша? Раз ты его заявила в начале своего повествования, не мог он так просто уйти из твоей жизни, – решил я дать редактора.

– А он и не ушел... Трагедь там была, самая настоящая трагедь... Не мог утешиться парень, в петлю хотел лезть... А потом я его как-то потеряла. Он перестал искать со мной встреч. Да и я, разбежавшись с Маслаковым, такого дрозда дала, что... Ну ты же помнишь, я огонь была.

– Что значит – была?

– А то и значит, что была... Не вешай мне лапшу на уши, а то растаю... Так о чем я? Не сбивай меня с мысли...

– Ты о романе про Володю, – подсказал я.

– Ага... Знаешь, как в кино – гонг, и надпись на экране: «Прошло пятнадцать лет». Я уже замужем за Фомушкиным, у нас Машка в школу пошла... И вот однажды мы с Зиной Плисовой решили зайти в церковь. Зинка хотела свечки за упокой поставить. Ты же знаешь, я убежденная коммунистка, в церковь, как правило, не хожу, а тут за компанию. И мы зашли в храм, купили свечек, написали записочек и решили отстоять службу, больно здорово пели певчие. Голос батюшки мне показался знакомым, но я не придавала этому значения. А когда он с кадилом пошел по храму, я так и обомлела: с седыми длинными не очень густыми волосами, с реденькой бородашкой, ко мне приближался мой старый ухажер.

– Пашка?! – невольно вырвалось у меня.

– Ира, – сказал он, а я не поняла смысла его интонации.

После окончания службы я подождала его. Он рассказал, как вера его спасла от разных глупостей, когда он был влюблен в меня. Я тогда первый раз исповедовалась. И он отпустил мне грехи.

– Просто какой-то Распутин. Ты гресишь, желательно с ним, а он же тебе эти грехи отпускает.

– Дурак ты, Малежик.

– Ну хорошо, отец Сергей Льва Толстого тебе больше нравится? Ты посмотрела, все пальцы у него на руке были на месте?

– Тьфу на тебя... Еще раз тьфу...

– Ирка, я только не пойму – этот роман-то про Володю будет или про тебя?

– Думаю, что Володю спроецирую, описывая себя.

– А-а-а... Это как в анекдоте: на выставке, посвященной юбилею Ленина, картина, на которой изображен шалаш и из него торчат две женских и две мужских ноги. Название картины «Ленин в Польше». Вопрос посетителя: «А чьи это ноги?» Ответ: «Дзержинского и Надежды Константиновны». – «А где же Ленин?» – «А Ленин в Польше».

– Малежик, с тобой нельзя серьезно разговаривать.

– Да, Ирка... Гонг... и надпись про 15 лет тебе удалась.

I

Квартира Тургеневых – Володи, Наташи и их маленькой дочки Машки – была точкой нашей постоянной дислокации. Во-первых, она располагалась недалеко от метро «Проспект Вернадского», вокруг которого по счастливой случайности жили основные двигатели нашего коллектива (Смогул, мы, Маслакова со своим); во-вторых, Тургеневы не были обременены сожительством с родителями, а это очень важное обстоятельство. В-третьих, соседи Володи и Наташи были молоды и приучены к полуночным застольям, более того, они зачастую принимали в них деятельное участие. Причем квартира Тургеши открывала свои объятия не только взрослым, но и детям.

А случилось так, что мы, Маслакова и Тургенева отправили 1 сентября 1984 года Никиту и двух Машек в сорок первую школу в первый класс. И где-то часа в три пополудни родители и дети собрались отметить это радостное событие. Для моего повествования о Володе Бушневском важно, что я в первый раз увидел Ирку на наших сборищах без Фомушкина, ее второго мужа и отца Машки.

- А где твой? – спросила Наташа.
- Муж-то? Объялся груш.
- Может, ему слабительного? – спросил хозяин дома.
- Обойдется.

Не знаю, как разбирался без слабительного в тот день Фомушкин, а у нас было весело. Во всяком случае, Иркино лицо не хранило печали, и она принимала деятельное участие в празднике. А праздник получился неординарный. Детский сладкий стол – это само собой, но мы же должны были поднять за детей. И кто-то предложил сделать крюшон. Был куплен арбуз, его проткнули и начинили бутылкой коньяка, добавив водки и шампанского в нужных пропорциях. Затем его, арбуз, трясли и взбалтывали. Этот продукт, заключенный в тело арбуза, отнесли охлаждаться в ванну... А дети тем временем, вспомнив детсадовское прошлое, решили нам, взрослым, преподнести спектакль, который был подготовлен, написан и сыгран нашими Машками и Никитой. В Машкиной комнате шли интенсивные репетиции, а на кухне Тургеша с моей женой вспороли пузо арбуза и затем ярко-розовое содержимое этой, как говорят, ягоды было разлито по фужерам.

– Пусть это здесь постоит на подносе, мы посмотрим их «утренник», а потом тяпнем, – сказал Тургеша.

– Володь, посмотри, бокалы стоят, как на великосветском приеме, – заметила Татьяна, поправляя фужер на подносе.

- Не говори... Пошли...
- Дети! – позвала моя благоверная.

И дети читали стихи, и пели, и танцевали... А мы аплодировали и вызывали их на очередной поклон. А потом они, счастливые и мокрые (в смысле вспотевшие), убежали за «кулисы». Мы были переполнены гордостью за своих таких талантливых детей (а неталантливых, как известно, не бывает) и радовались, что они будут учиться в одном классе.

– Ну что, надо выпить? Танюх, тащи крюшон...

Два жалких бокала с арбузным коньяком мы увидели, когда пришли на кухню, услышав вопли Татьяны.

- Это дети съели, – сказал Тургенев.
- Что будем делать?
- Может, два пальца в рот? – Это уже я.
- Давайте сначала сами попробуем, что получилось, – сказала Маслакова и осушила бокал.

- А ничего, мне по нраву.
- Детям, видно, тоже... Почти все выпили.
- Ну, им было жарко, – пыталась защитить детей Маслакова.
- Пошли посмотрим, как там они.

Мы, толкаясь, вошли в детскую к Машке.

– Так, бабы переругались, – молвил Володя, глядя, как две Машки выясняют, кто из них неправильно ответил на фразу Никиты.

– Ага, а мужик, как и положено, все проспал и храпит. – Это уже моя жена, глядя на самозабвенно храпящего сына, пыталась перекрыть сцепившихся маленьких фурий.

– Выживут, главное, что спиртное, вернее, первое спиртное они получили из рук родителей и приняли его тоже под их неусыпным взором, – подвел итог посвящения в школьники хозяин квартиры.

Мы подняли тост за первоклашек и свернули праздник. Никита остался у Тургеневых до полной реанимации, а Ирка повела свою домой, хотя маленькая сильно сопротивлялась.

II

Вечеринки в доме Тургеневых... Кстати, как звучит – «Вечеринки в доме Тургеневых»! Можно было бы продавать билеты. Так вот, эти самые вечеринки были чем-то похожи на великосветские салоны XIX века, только салоны советского разлива. То Маслакова, то Смогул, то я притаскивали какую-то знаменитость или кого-то из молодых, но с явным потенциалом. Ну а если никого на горизонте не было, то основной костяк нашей штаб-квартиры принимал удар на себя, и, как правило, веселье задавалось. Мое отсутствие ввиду постоянных гастролей не нарушало привычного ритма «собраний» и даже песни из моего репертуара, ставшие «любимыми песнями нашей компании», пелись под аккомпанемент Смогула либо Саши Подболотова – известного в театральных и околотеатральных кругах филармонического певца, который неплохо играл на шестиструнке. Маслакова, кроме художественного обеспечения (а она приводила порой неординарных личностей и по праву с ними делила успех в домашнем концерте), часто приносила, как бы сейчас сказали, эксклюзивные спиртные напитки из хозяйских «погребов».

– Ты знаешь, – говорила Ирка, – моя матушка, Зося ее зовут, была весьма высокопоставленным авиационным деятелем, где-то второй-третьей после министра. Она что-то там делала по снабжению и по распределению (например, путевок на курорт)...

– А-а, поэтому она у тебя такая уверенная в себе особа, готовая решить любой вопрос?..

– Ну да... Так вот Зося брала борзыми щенками, причем исключительно породистыми...

– Хочешь сказать, псарня у вас была знатная? В смысле коллекция вин и коньяков...

– Ты не представляешь, Славик, насколько знатная... Причем традиции поддержания ее в порядке не умерли. Мне тоже благодарные артисты несут, и в каком количестве!

– Я тебе должен сказать, что породу выпивки на нашем столе ты явно улучшаешь... – поддержал разговор я.

– И заметь, не прилагая особых усилий.

– Это в тебе порода говорит... – ввернул Тургеша.

– Экстерьер, умение взять след...

– Способность разбираться в антиквариате и всяких там авангардных течениях...

Кстати, а когда мы отправимся на экскурсию в закрома Родины? – спросил я.

– Милости просим... В Рассудово на дачу с дегустацией лучших образчиков винодельческой продукции нашей многонациональной Родины.

– Рассудово рассудит, Рассудово рассудит, кто Ирку крепче любит...

– Славик, ты опять на себя, любимого, сбиваешься?

– Почему на себя – на тебя! Предлагаю провести конкурс на лучший гимн, посвященный тебе.

– Вот. Есть зерно... – хмыкнула Маслакова.

И на посиделках у Тургеша Ирку ждали... Ирку, такую обильную на выдумки и подарки, такую громкую и неумную, и она, как правило, врывалась, всегда чуть задерживаясь и давая атмосфере вечеринки новый импульс. В тот вечер она пришла одетая в какой-то камуфляж, в сопровождении двух мужиков. Оба с приличными залысинами, один, правда, с бородой, а второй в усах. Который с бородой держал под мышкой гитару, зачехленную в какой-то кожаный чехол.

– Это автор-исполнитель Вова Патрушев. Малежик, обрати внимание – непревзойденный гитарный мастер. Вот себе смастерил восемнадцатиструнную гитару.

– Так это же какой-то рояль, – брякнул я.

– Да, я чуть перебрал с количеством струн. Играть не очень удобно и все время расстраивается, – произнес первую фразу в нашей компании Патрушев.

– Зато такой гитары ни у кого нет, – парировала Ирка.

– А у меня есть самолет, который я сделал из газеты с намерением покорить Северный полюс.

– Тургеша, это у тебя шутка такая?

– А второго твоего гостя, Ирина Сергеевна, как зовут? – произнес В. Тургенев, подражая актеру Милляру.

– А меня зовут Владимир, я занимаюсь техническим обеспечением Ирины, – ответил усатый.

– Ну, слава богу, хоть тебя не Вовой зовут, – сказал Тургеша.

– Мы его зовем Бушневский. – Это Ирка.

– Как-как? Бжезинский? – паясничал Тургенев.

– Бжезинский-Бжезинский – главный антисоветчик из Америки, самый кровожадный ястреб, люто ненавидящий и мечтающий демонтировать советский строй, – ухмыльнулся Бушневский.

– Вот теперь понятно, а то Вова, Вова, – подвел итог встречи в верхах хозяин квартиры.

И Бушневский моментально вписался в нашу компанию благодаря мягкому нраву, умению красиво и хорошо выпить и поговорить по душам. Самое интересное, что имя Вова отошло к нему, а Тургенев стал Тургешей. Ирке не задавали лишних вопросов о Фомушкине, и он как-то очень естественно выпал в осадок. Вова был хорош тем, что в нашей компании ярко выраженных артистических натур, что уж там скрывать, любящих потянуть одеяло на себя, он был каким-то неуловимым балансиром, без которого система функционировала уже не столь гладко.

В тот вечер, а мы сначала не обратили на это внимание, у Бушневого в руках была довольно тяжелая сумка.

– Это что, Ирэн? – спросил Тургенев.

– Это подарки от Деда Мороза. Пойдем выпьем, а потом всем сестрам по серьгам.

– Ну что ж, пошли.

Мы зашли в комнату, стол был уже накрыт. Что Бог послал нам в этот день, я не помню, но это и не важно... Сели, выпили, закусили... Через паузу был заслушан отчетный концерт Патрушева. До глубины души не поразил, но, учитывая, что неплохой парень и что рекомендован Маслаковой, шанс зацепиться за наш «клуб» ему дали. И вот Ирка, облачившись в камуфляж (а она еще прихватила и обувь), внесла вместе с Бушневским в комнату сумку.

– Дети, а кто сегодня не выпивал и плохо закусывал, подарки не получит, – молвила наша массовица-затейница с интонациями Деда Мороза. И, театрально дернув молнию на сумке, она вытащила из сумки какие-то штуки и сказала, что сейчас мы устроим салют. – Я считаю, что жители вашего микрорайона лишены праздников, и мы должны восполнить этот дефицит. Тургеша, открывай балкон, ща мы жажнем, – скомандовала Маслакова.

– А что это?

– Это взрывпакет, ну тот, что используют на ученьях и при съемках в кино. А это... Мы запустим ракету! Помнишь песню: «Светилась, падая, ракета, как догоревшая звезда...»

– Песню помню. А где ты это все взяла?

– Да в N-ской дивизии. Мы там сюжет снимали, Патрушев им песни пел, а я дружбу водила с ихними командирами...

– А как ты все это достала? – не унимался Тургенев, опасаясь за целостность своей квартиры...

– Как-как... Объяснила, что нужно для подсымки. Как миленькие все выдали.

Это сейчас все привыкли к самостоятельным салютам и к китайской пиротехнике. А тогда... Все компоненты вынесли на балкон квартиры, волнуясь, чиркали спичками о короб, наконец пакет громко рванул, и почти одновременно ракета взяла старт. Так не бывает, но так было... Ракета взмыла ввысь и, вы не поверите, влетела в форточку окна на последнем этаже шестнадцатизэтажного дома, что стоял рядом с нашей «штаб-квартирой». Что-то в окне полыхнуло, судя по всему, загорелась шторка.

– Ложись, – крикнул хозяин дома.

Полупьяная компания со смехом рухнула на пол.

– Воздушная тревога, светомаскировка.

Погасили свет, и кто-то сказал:

– Если нагрянет полиция, мы друг друга не знаем, встретились случайно, расходимся по одному.

Кто-то нестройно затянул:

*Смело мы в бой пойдем
За власть советов...*

Все дружно, но сдержанно, чтобы не услышали на улице, подхватили:

*И, как один, умрем
В борьбе за это.*

Судя по тому, что из окна обстрелянной нами квартиры не валил дым, шторку погасили. Но тем не менее, следуя законам конспирации, расходились по одному. Может, и правильно. Ирина Сергеевна, у которой связи распространялись ого-го куда, потом рассказала, что ракета влетела в окно греческого дипработника и что греки накатали какую-то жуткую предьяву о том, что был совершен практически террористический акт. Советско-греческие отношения могли зайти в тупик, назревал политический кризис.

– Меня сегодня, как бы случайно, один тип в штатском спрашивал, не видел ли я, не слышал ли я... – рассказал Тургеша Ирке через пару дней.

– Надо пока завязать с посиделками, а то нас заметут.

– Я сказал, что меня вообще в городе не было.

– Это они проверят на раз.

Но, наверное, грекам от нас, то есть от страны, чего-то надо было, и все это дело спустили на тормозах. Ирке не пришлось даже звонить своим высокопоставленным друзьям.

III

А перестройка шествовала по стране. Ее тяжелый топот подмял под себя многих из тех, кто не успел «перестроиться». Кто увернулся от одной ноги, мог попасть под вторую, под двадцать пятую. Не перестройка, а какая-то сороконожка. И все уворачивались и пытались выжить, часто теряя человеческое достоинство. Как все было, описывать не стоит, хотя это была среда обитания наших героев, которая формирует и характеры, и поступки.

А у наших героев Маслаковой Ирки (опять почему-то написал ее первой) и Володи Бушневского родился сын Сашка. Очаровательный рыжий бутуз, которым хвасталась мать и гордился отец.

И в это время подвернулась творческая командировка в Венгрию, и наши «молодые» уехали в Будапешт. После окончания съемок они неожиданно решили остаться по делам бизнеса в уже «не братской» Венгрии. Был организован «колбасный бизнес», и Вова преуспел в нем, резко превратившись из человека, ничего не смыслящего в «колбасных обрезках», в креативного специалиста, фонтанирующего идеями и энергией. Судя по фотографиям, жизнь у молодой семьи складывалась достаточно успешно и «жемчужина» Хунгарии и вообще центральной Европы – озеро Балатон было обласкано их вниманием.

А потом они решили вернуться, дабы дать сыну Сашке достойное образование на Родине. Но Родина жила в каком-то другом ритме и танцевала иной танец, и поймать нужную волну ни Ирке, ни Бушневскому не удавалось. На телевидении были другие герои, которые несильно обрадовались возвращению очень приличных специалистов в свои пенаты. Но Вова и Ирка не унывали, тем более что наели себе на русско-венгерской колбасе некоторый запас жира... «Все не так, ребята», хотелось спеть за Высоцким, да и если не петь, все было понятно. Тургенев со своим клубом сдулся, и после пары вечеров, которые своей неукротимой энергией организовала Маслакова, все по-тихому свернулось. Мы разъехались по разным концам Москвы на новое жилье, и редкие перезвоны обычно заканчивались фразой: «Надо встретиться, а то что-то мы...»

Иногда, правда, встречались, если кто-то построил дачу и предстояло торжественное открытие. Хотя все были в курсе жизни каждого: знали, когда у меня концерт, знали, что Тургеша сменил работу, а у Наташки мама приехала погостить и достала зятя так, что... Знали, что Смогул прилетел из Германии и что у него новая жена. В общем, такое неспешное чтение доски объявлений на фоне мелькающих дней быстротечной жизни.

А потом и дети пошли в институт. Это старшие, а младшие делают определенные успехи... Ничего интересного...

IV

Где-то в начале нулевых мы с женой летом решили отдохнуть и подлечиться, вернее, провести профилактику организма в санатории «Белые ночи» под Питером. Финский залив, с погодой повезло, красота Подленинградья поразила и сразила... Какая Рублевка?! Какая Николина Гора?! А мы еще рванули в Питер на своей машине... И нарисовалась куча друзей. Помимо медицинских процедур еще этакий психологический расслабон. Я и моя гитара в центре внимания – о чем еще можно мечтать. И на второй или третий день нас находят Бушневский и Маслакова. Нам не нужно было настраиваться друг на друга. Мы не могли наговориться. Причем это был обычный треп про своих товарищей, про детей, которые нас не понимают, про то, как вкусно сегодня пообедали. Мы ходили в гости, к нам кто-то приезжал, но наша четверка была, по сути, неразлучна. А где-то на пятый или шестой день нашего кайфа Ирка (а Володя вернулся за чем-то в отель) завела этот разговор:

– А знаете, у нас не все в порядке...

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– Вова...

– Что «Вова»?

– Он еще в Москве прошел обследование. У него неоперабельный рак...

– Как??

– А вот так... рак легких... славу богу, метастазы не задели еще позвоночник.

– Вова знает?

– Да... Он сам настоял, чтобы ему сообщили диагноз. Врачи отпустили ему три месяца жизни.

– И как нам быть? Как вести себя с ним?

– А так, будто ничего не знаете. Чем ему будет веселее с нами, тем лучше. Так что будем устраивать ему праздник...

– А он что говорит?

– Вова-то? А он говорит, что никто не знает, когда за ним придет тетка с косой, поэтому и нечего себя грузить.

– Слушай, а боли у него как?

– Пока никак... Я думаю, что вопрос времени. Но я все сделаю, чтобы он за этот месяц, год, два получил от жизни столько, сколько другой не видит и за целую жизнь.

– Да...

– Ну ладно, он возвращается.

И мы быстро сменили тему разговора. Поначалу это было несколько натянуто, а потом мы вошли в роль и общались с ним и с Иркой как в далекие годы торжества тургеневской квартиры.

А Бушневский был мужчина. Даже зная о страшном диагнозе, мы не могли заметить каких-то отклонений от его обычного поведения. Он был ровен, остроумен, не грузил размышлениями о жизни. Не заметил я и стремления алкоголем заглушить свои переживания.

Месяц пролетел незаметно, и я могу сказать, что это был один из лучших моих отпусков. Хотя, кто меня в этот отпуск отпускает? В общем, вы поняли... Мы проводили Вову и Ирку на самолет, а сами через три дня рванули в Москву на машине. Перед отъездом мы договорились встречаться почаще. Ребята жили в Фаустово под Зеленоградом, но вдруг (слово «благодаря» здесь будет неуместно) все осознали, насколько быстротечна жизнь, и их дом наполнился гостями и успешно заменил тургеневский флэтэрий. Ирка, которая раньше не была замечена на кухне, теперь кашеварила, не отходя от плиты. Ей помогали дети – Машка и Саша и сестра Вовы Ирэна.

А Володя был бенефициантом. Он мастерски принимал гостей, находя нужные слова и интонации. Ни разу за все время борьбы с болезнью он ни единым словом не упомянул о своем здоровье. Он с нами выпивал, пел песни, травил анекдоты. Ирка – героическая женщина – подняла все свои связи, а она многих знала и многие к ней хорошо относились. Все медицинские светила, если только до них можно было докричаться, побывали в доме Бушневского.

Да-да, я сказал Бушневского, потому что Володя, чья скромность путалась с застенчивостью, однозначно превратился в главу семейства, который несмотря на недуг проявлял свой мужицкий характер и способность быть лидером. А Ирина Сергеевна вдруг поняла, что все ее штучки не стоят одного доброго и мудрого взгляда мужа. И она стала простой русской Бабой. Бабой с большой буквы. И это увидели все. И ее новая роль затмила всякие прошлые победы на сцене Жизни. Она выиграла, вернее, отвоевала для себя, для детей, для нас три года жизни с Володей. Сравните три месяца, обещанные врачами, и три года, которые она его продержала на плаву. Мы все видели, как он сдает. Я не буду описывать этапы этого разрушения физического здоровья. Но мы еще видели, как в нем крепнул дух, как он, понимая глубину своей болезни, отдавал распоряжения по телефону, решая проблемы, которые, как он считал, должен решить только он.

Не знаю почему, но, наблюдая в эти дни за Ирой и Володей (а почти каждое воскресенье в Фаустово был аншлаги), часто ловил себя на мысли, что мы смотрим очень крепко срежиссированный спектакль, написанный самой жизнью. А почему нет? Если говорят, что спектакль – отражение жизни, то и обратная постановка вопроса правомерна.

Ирка обозначила себе цель – дотянуть Бушневского до шестидесятилетия и закатить пир на весь мир. И она, вернее, они – Вова и Ира – этот праздник устроили.

Приехали все... Володя полулежал на диване около стола и с улыбкой смотрел, как мы справляем его юбилей. Он с нами даже выпил за свое здоровье. Удивительно, но ничего натужного в этом застолье не было, и я думаю, что все гордились, что они оказались среди гостей, считай друзей Володи Бушневского. Среди нас был и батюшка – наша коммуналка Ирка таки окрестила мужа за три месяца до его шестидесятилетия. Мы уезжали из дома Бушневских, и он нам улыбался, может, чуть более грустно, чем обычно.

Вовка улыбался, ведь он так любил друзей и гостей.

Он так любил жить!

Половинки

Фраза о том, что муж и жена – две половинки, стала настолько расхожей, что мы, используя ее, не очень-то вдумываясь в глубинный смысл, заложенный в ней. Наверное, тот, кто впервые ее произнес, неизвестно еще на каком языке, не имел в виду точную количественную оценку. Скорее это были две составляющие, которые, соединившись, давали целое. И не нужно обсуждать недостатки его или ее, и пусть у нее какой-то дурацкий выступ и не в том месте... Неважно, значит, у второй половинки в соответствующем месте расположен паз, в который точно войдет этот пресловутый выступ. Это похоже на пароль...

Помните, в шпионских фильмах: агент А, встречаясь с агентом В на вражеской территории, предъявляет купюру или фотографию, разорванную кое-как. И агент В, отслеживая окружающую обстановку, достает свою часть разорванной купюры. Шпионы смотрят, как два огрызка денежки составляют целое. И если это слияние происходит, они радостно склеивают купюру скотчем и идут в ближайший пивняк пропить эту деньгу во славу будущей операции. Причем это делается под неусыпным оком контрразведки. То, что денежка получилась целой; то, что к драной двадцатке не пытались пришпандорить драные 100 долларов или даже фунтов и совсем уж невозможных юаней, говорит, что ты свой, ты одной веры, одного убеждения.

Вот так и с Homo sapiens. Вы не замечали, что мужчина, да и женщина не меняют своих привязанностей и не потчуют нас разнообразием? И так на протяжении всей своей жизни влюбляются чаще всего в один и тот же тип отдельно взятых людей. И думаю, не надо сильно заморачиваться и выносить ему или ей приговор – тебе нужен (нужна) другой. С длинными ногами, креативный, с голливудской улыбкой, с грудью (n+1) размера и далее по списку. А вот и не нужен (не нужна). Порвали на небесах купюру нашего героя так и только так...

И, следуя житейской логике, одну на другую менять – только время терять. А мы, живя в этом глянцево-м мире, зачем-то в сотый раз пытаемся оспорить эту истину и в сто первый раз наступаем на одни и те же грабли. Если про свой опыт, то могу сказать, что, не обнаруживая персоны, влюблялся и имел продолжительные романы только с девушками такого украинского разлива, с выдающимся большим пальцем на ноге, а он свидетельствует об очень сильной воле и таком же упрямстве, что вообще характерно для украинского народа, к которому принадлежу и сам я. Не знаю, какую часть моей лекции проиллюстрирует мой рассказ, попытаюсь его поведать так, как сохранила моя память.

I

С группой «Мозаика» я играл танцы на Черном море в деревне Вишневка. В самой Вишневке, что была расположена где-то на полпути из Туапсе в Лазаревское, и в ее ближайших окрестностях было четыре студенческих лагеря, в каждом из которых в силу своих возможностей играли и пели музыканты. И если ленинградский университет командировал в «Буревестник-3» диксиленд, то второй и первый «Буревестник» взрывали бит-группы (слово «рок-группа» еще не прижилось).

Мы играли в первом. А четвертый лагерь, облюбованный музыкантами, был в двух километрах от первого, а если по морю, то и вовсе в метрах пятистах. Располагался он в поселке Макопсе, и отдыхали в нем студенты Университета Дружбы народов имени борца за свободу конголезского народа Патриса Лумумбы. Играли там тоже студенты этого института – такая разноцветная команда, причем не чета нам. В соревновании с двумя московскими «Буревестниками» лумумбовцы явно проигрывали, и к ним ходили в основном за экзотикой. А у нас и во втором был кайф – танцуй не хочу.

Хотя должен сказать, что университетское начальство, которое должно было осуществлять идеологический контроль, на первых порах его честно осуществляло. Сначала на утренней пятиминутке нам, музыкантам то есть, рекомендовали уменьшить количество рок-н-роллов и свести это количество до одного за вечер, ну в крайнем случае до полутора. Сократили, начали играть больше медляков... Тогда заметили, что во время танцев между молодыми горячими партнерами в обнимку творилось черт-те что. Дабы не допустить неконтролируемого размножения, было решено вернуться к старому регламенту, то есть играть то, что на душу ляжет.

Публика была в основном мирная, и рукоприкладства, во всяком случае в первые мои приезды в Вишневку, не было. Хотя однажды все-таки кое-что произошло... Правда, дракой назвать это трудно, скорее, это происшествие можно отнести к тем, что печатаются в рубрике «Нарочно не придумаешь». А дело было так... Один студент из МГУ, а это было в начале 70-х, приехав на юг, решил всех удивить своими познаниями в области боевых искусств. Видно, где-то он видел, слышал или прочитал, что есть такой вид рукопашного боя – карате. Может, даже изучал схему, где на рисунке 1 показана стойка, на рисунке 2 – уход от атаки противника, а на третьем рисунке уже осуществлялось нападение.

И вот наш первопроходец-каратист на пляже, а должен заметить, что начинку пляжа составляли парни и девчонки 20–25 лет. Сорокалетние, не выдержав ослепительной молодости и красоты, сами покидали пляжное заведение. Так вот, наш герой на протяжении трех-четырех дней перед изумленной публикой демонстрировал иллюстрации из своего учебника. Но, видно, в учебнике не было описано, как надо кричать при нанесении практически смертельного удара, и этот-то недостаток и подвел нашего бойца.

Представьте: студенты из трех «Буревестников», а также рабочая молодежь окрестных поселков, не считая просто дикарей-отдыхающих, собираются на открытие очередной смены лагеря «Буревестник-1». Народу – не протолкнуться. Наш спортсмен-каратист, крепко нарушивший режим (а как еще можно открывать спортлагерь?!), в новых фирменных джинсах, стоявших тогда целое состояние, во время танца ведет себя так, что мешает более трезвому студенчеству и рабочей молодежи. Ему кто-то из местных парней делает замечание, и наш герой лезет в затычку: вот он, случай показать перед дамой свою удаль и еще не до конца оцененное умение сразить противника ударом ноги.

Привычная ситуация – двое отходят в сторону, чтобы по-мужски... Каратист пытается сделать удар с рисунка 3, но джинсы – модные узкие джинсы! – предательски не позволяют поднять ногу на уровень хотя бы пояса. А местный парень тем временем по-крестьянски,

не мудрствуя лукаво, успешно три-четыре раза бьет кулаком по хлебальничку поклонника японских боевых искусств. Но враг не был сломлен. Не желая мять новенькие джинсы, наш герой скидывает их, попутно снимает рубаху, в которой были документы и деньги. Дальше он это аккуратненько складывает под кустом в каких-то 8-10 метрах от танцплощадки и бежит на место боя – проучить противника, оставшись в плавках и кедах. Но противника, видно, закружил вихрь танца, и спортсменов, отличник (это из другого фильма) трижды по часовой стрелке и против, прошерстил танцующих, но обидчика не обнаружил. Когда он вернулся к знакомому кусту-раздевалке, то шмоток своих не нашел. Кто-то сделал им ноги. И поделом!!! Не нарушай спортивный режим перед ответственными соревнованиями.

Но это был единичный случай, который не портил статистику и отчетность мероприятий «Буревестника». Золотая молодежь Москвы, Ленинграда, Ростова, а потом и Тбилиси, возвращаясь домой, умножала своими рассказами славу лагеря, что в деревне Вишневка. Не знаю, как там сейчас в Коктебелях и прочих Ибиках с их сексуальной раскрепощенностью (думаю, мне сейчас не понравилось бы, чего-то стал блюсти), а тогда на этом золотом пятачке черноморского побережья праздник продолжался круглые сутки. После танцев все шли «усугублять» на облюбованные места на обрыве у моря или на заветных полянах в горах. Море любви, море музыки – а играли и пели в этих местах люди, которые впоследствии не затерялись на подмостках нашей сцены. Пожалуйста вам – в кустах эксклюзив и интим (если по взаимному желанию – почему нет?), и новая песня глаза в глаза.

Так вот... Во всей этой беснующейся толпе выделялась «группа товарищей», пожалуй, чуть более взрослая, чем основной контингент, держащаяся всегда вместе. Их было человек шесть-семь... Это парней. А девчонки менялись, но всегда соответствовали уровню качества. Они лихо и умело танцевали рок-н-ролл, причем не такой спортивный, которым нас кормили потом с экранов телевизора и со сцены. Ну, знаете, когда есть акробатика и вытаращенный стеклянный глаз... Это был рок-н-ролл стихийный, с заусенцами и с подчеркнутым вниманием к партнерше. Ребята имели успех, и зрители, вернее, танцующие, благодарно образовывали круг, в котором и происходило это танцевальное шоу.

И мы познакомились. Они были из Ростова. У всех были разные специальности: кто-то – медик, кто-то – летчик, кто-то – диспетчер в том же порту, кто-то – еще студент. Жили в Ростове, правда, рядом, в районе Нахичевани. Удивительно приятные, умные и мягкие в общении, они приняли нас в свою компанию. Обращаю внимание, не мы их к себе допустили, а они нас.

– Где вы так лихо научились плясать рок-н-ролл? – спросил я одного из ростовчан – длинного, худого, но очень пластичного парня. Его звали Александр, и, судя по всему, он был лидером компании.

– Ну мы же из Ростова, а информации у нас почти столько же, сколько и в столице.

– Не верю.

– Ну не верь... Хорошо, мы обманываем сами себя... Нет, просто у нас есть ребята, летающие в том числе и в загранку. Друзья в Прибалтике, а там Скандинавия рядом... А еще фантазия... Мы все помешаны на Пресли и Литлс Ричарде, поэтому дух мы схватили, а по канонам или не по канонам мы танцуем – это не важно. Нам весело, мы так живем...

– А ты учишься, работаешь?

– Я медик, закончил, сейчас занимаюсь научной работой, – терпеливо отвечал Александр.

– И что конкретно делаешь?

– Не поверишь – из ворованного спирта настойку делаю, не оторвешься. Будешь в Ростове, угощу.

– Да я в общем-то непьющий...

– Но оценить напиток?

– Договорились.

И мы ходили вместе в горы, делали шашлык, хотя сейчас бы я назвал это подобием шашлыка. На двух лодках с нашим басистом Кеслером, Сашей и еще с основным по рыбалке Николаем ловили на самодур ставриду. Наловили два ведра, но в нашей лодке одно весло вылетело из уключины и экспресс-ремонту не поддавалось. Мы были, я думаю, в километре-полутора от берега. И тогда Грибанов (я изменил фамилию Саши) сел за единственное весло, а я прыгнул в воду и стал выполнять функцию руля. Доплыли. Вечером ростовчане устроили рыбный пир.

II

Время текло, мы менялись... Я стал профессиональным музыкантом, женился. Больше того, сменил пару мест работы, перемещаясь из ансамбля в ансамбль. Мы приехали с гастролями в Ростов. Город является и являлся воротами Кавказа, и его никак нельзя было объехать, гастрوليруя по югу России и северо-востоку Украины. Это я пишу для молодых, которым пришлось бы расшифровывать фразу «гастроли по югу нашей страны». Традиционно нас поселили в гостинице «Ростов», и ко мне заявился Серега Стрижев, живший в соседнем доме – подъезд в подъезд.

– Слава, не пугайся, мы сегодня всей нашей компанией во главе с Грибановым у тебя на концерте. Не беспокойся, нас обилечивать не надо, в нашем городе у нас все схвачено. А сейчас извольте одеться – время обеденное – и посетить мой дом. Мама ждет, отказ не принимается.

Мы пошли к Сереге в гости. Нас встретила его мама Анна Александровна. Очаровательная женщина, красивая, именно красивая, а не со следами былой красоты. Не броско, но очень элегантно одетая. Она пригласила нас в комнату, где был уже сервирован стол. Все было готово к обеду. Большая, по моим представлениям 70-х годов, квартира, с высокими потолками, люстрой, кожаным диваном, креслами и стульями с высокими спинками вокруг обеденного стола. Но особенно поразила меня керамическая скульптура китайского болванчика или императора-мандарина, в общем, дядьки с большим пузом и складками на теле, как-то там задрапированного ихними китайскими одеждами, а также высокая, опять же китайская (судя по орнаменту), ваза, в которой стояли высушенные стебли то ли тростника, то ли камыша. На стенах была пара картин с традиционной китайской атрибутикой (фонарики, дома с типичными крышами, какие-то драконы) и черно-белый портрет мужчины в очках, с сигаретой в руке. Заметив мой интерес к фотографии, Анна Александровна сказала, что это ее покойный муж – отец Сергея и его старшего брата Геннадия. Старший сейчас подойдет.

– Анна Александровна, простите мою серость, но я никогда не бывал в подобных домах. Откуда вся эта красота?

– Ну, что-то осталось от моих родителей, не все раскулачили, – смеясь, сказала хозяйка «салона», – а что касается китайских мотивов, то наш папа был видным ученым-геологом. Еще во времена дружбы Китая и СССР Александр Петрович возглавлял экспедицию по поиску чего-то, о чем даже нам не говорили.

– Да уран они там искали, – встрял Сергей.

– А ты, Сережа, если тебя не уполномочивали, то и не болтай зря языком. Так вот, Слава, мы всей семьей с детьми более трех лет жили и работали в Китае.

– Это какие же годы?

– Ну я же сказала, еще во время дружбы...

– Это я понял, просто мне интересно, где Сережа и Геннадий учились?

– Сережа был маленький и сидел вместе со мной дома, а Гена ходил в русскую школу. Там же в те годы было море наших специалистов, и мы жили, как в коммуналке.

– Сережа, а ты китайский-то помнишь?

– Ну какие-то общие фразы, практики нет, и потом – когда это было-то?

– А вот и Геннадий, – встрепелась Анна Александровна, – вы тут знакомьтесь, а я пошла на кухню. Домработницы у меня нет, так что приходится все самой. Кстати, хочу, Слава, вас предупредить, Геночка только что развелся, и поэтому «мы у нас женоненавистники».

В комнату вошел мужчина без каких-либо признаков, за которые можно было бы ухватиться при описании внешности. Во всяком случае, шика маменьки и запоминающейся

внешности младшего брата – такого, знаете, выпускника гитлерюгенда на выданье – в Геннадии мной не было замечено.

– Ну что? – с интонацией рубахи-парня протягивая мне руку, сказал Гена. – Это ты тот музыкант, про которого мне все уши прожужжал Серега?

– Нет, тот, про которого Серега, это Элвис Пресли.

– А ты кто тогда?

– А я – Иван Коротышкин, Йан Шортер по-ихнему. Слыхал?

– Ну-ну... Московская интеллигенция? – молвил Гена, не зная, обижаться или нет.

– Разрешите представиться – Вячеслав Малежик, музыкант.

– Славик, не гони... Гена сейчас несколько не в себе и не всегда понимает шутки.

– Быстро за стол, а то мальчику, – обняв меня за плечо, сказала Анна Александровна, – надо во Дворец спорта бежать.

– Концерт – дело такое, – мудро заявил я.

Мы сели за стол... Знаменитые ростовские соления, которые были лучшими в стране на тот, да и на этот период. Рюмка настойки от Грибанова, что тот передал Сереге специально для меня, колбасы и какая-то вялено-копчено-соленая и под маринадом рыба. Застолье началось, «Грибановская» была разлита по рюмкам, а домашним компотом было предложено запивать.

– Я за рулем, так что не обессудьте, – молвил я.

– Да, – поддержал Серега, – сегодня гаишники особенно лютуют.

И все выпили за знакомство, и я с набитым ртом хвалил кушанья и говорил, что никакой ресторан... Но, честно говоря, меня даже больше, чем угощения, поразило, как все это подавалось и убиралось. Фарфоровая супница произвела неизгладимое впечатление. Я сидел и грустил, почему вся эта традиция застолья потеряна и почему чаще всего даже в ресторанах приходится рассчитывать на комплексный обед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.